
ГЛАВА III

НАСЛЕДИЕ А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Монография «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» и вызванный ею резонанс в науке сразу поставили А.С.Лаппо-Данилевского в один ряд с крупнейшими современными историками. П.Н.Милюков, С.Ф.Платонов, М.А.Дьяконов, с разных позиций критически проанализировав труд А.С.Лаппо-Данилевского, сошлись во мнении о его высокой научной значимости. В 1890-е гг. внимание А.С.Лаппо-Данилевского переключается на последующий период русской истории – XVIII век. В эти годы основные работы ученого связаны с Екатерининским временем – малоизученной тогда эпохой.¹ Именно в это время за А.С.Лаппо-Данилевским закрепляется репутация тонкого историка общественной мысли и права – области, к которой он обратился в самом начале своей ученой деятельности² и которая стала главным объектом его конкретно-исторических исследований, в частности так и не увидевшей свет при жизни А.С.Лаппо-Данилевского (и не защищенной) докторской диссертации.³ Характерен отклик анонимного рецензента о работах А.С.Лаппо-Данилевского по истории XVIII века: «Все его исторические труды, постоянно затрагивающие русское право в прошлом, свидетельствуют не только об обстоятельности исследования, но и о понимании предмета. Выработанные веками категории, приемы мышления, не кажутся ему крючкотворными хитросплетениями, разрешаемые только ударом меча, наоборот, относясь с уважением к догме права, при ее помощи автор легко разбирается в самых сложных положениях».⁴ П.Н.Милюков в статье «Источники русской истории и русская историография», подготовленной для Энциклопедического словаря Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (1899 г.), выделил А.С.Лаппо-Данилевского из общего ряда петербургских историков, заметив, что он в своих исследованиях «по истории русского обложения и кодификации» стоит «ближе к историкам-юристам, чем к историкам».⁵ Однако, при всем значении работ раннего («доакадемического») периода ученой деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, основным предметом

анализа стали его более поздние работы, прежде всего связанные с методологией истории и дипломатикой частного акта.

С 1900-х гг. начался новый этап научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского. В этот период задачами его исследовательской деятельности стали выработка методологии исторического знания и ее применение в научной практике. Первым результатом этой работы стало издание в начале 1910-х гг. двух первых выпусков «Методологии истории».⁶

Незамедлительно на «Методологию истории» отреагировал библиограф Н.А.Рубакин, у которого с А.С.Лаппо-Данилевским сложились теплые отношения. В мае 1913 г. Н.А.Рубакин писал академику: «Недавно я познакомился с капитальным Вашим трудом по методологии истории, который и использован мною широко в II-й “Среди книг”. К сожалению, в ней о методологии истории я мог говорить лишь о I части Вашей превосходной работы, т.к. II [часть] дошла до меня лишь после того, как эта часть уже была напечатана».⁷

«Методология истории» сразу же привлекла внимание как историков, так и философов. Первым откликом на эту работу стала рецензия Н.И.Кареева,⁸ одного из наиболее значительных исследователей теории исторического знания. Принимая во внимание то обстоятельство, что издание было осуществлено как учебное пособие для студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Н.И.Кареев отметил обременительность для учащихся этого курса. Он считал «Методологию истории» «скорее ученым трактатом, нежели курсом лекций».⁹ Рецензенту при этом импонировало строгое отделение теории исторического знания от теории исторического процесса. Н.И.Кареев констатировал, что отправной точкой системы А.С.Лаппо-Данилевского стало «виндельбандовское различие»¹⁰ между номотетической и идиографической точками зрения. Наиболее подробно в рецензии рассматривался раздел, посвященный методологии источниковедения. Н.И.Кареев обратил внимание на ярко выраженный психологический подход А.С.Лаппо-Данилевского и отметил плодотворность определения им исторического источника как реального продукта человеческой психики. С похвалой отозвавшись о теории источниковедения, Н.И.Кареев констатировал, что «весь отдел об интерпретации источников разработан А.С.Лаппо-Данилевским заново».¹¹ Небольшая рецензия Н.И.Кареева носит скорее описательный, нежели аналитический характер. Он не пытался рассматривать рецензируемый труд в целом. Его оценки «Методологии истории» как «полезной», «нужной» книги не содержат каких-либо выводов о реальном научном значении труда. На наш взгляд, это было связано с тем, что рецензент не хотел вступать в полемику с автором «Методологии истории» (см. первую главу). Историко-философские воззрения Н.И.Кареева восходили к позитивизму и были иными, нежели у А.С.Лаппо-Данилевского.

В 1915 г. проходило празднование 25-летия научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. Ряд откликов на это событие появился в печати. Наиболее обстоятельные статьи, посвященные этому юбилею, принадлежат его ученику В.Н.Куну и одному из ближайших коллег А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Кизеветтеру.

Среди работ А.С.Лаппо-Данилевского особое значение В.Н.Кун придал «Методологии истории», отметив ее большой вклад в историко-философскую литературу. В.Н.Кун первым в литературе дал характеристику научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, особо указав на основную ее черту — уважение и поддержку «самодетельно чужой мысли». Автор, в частности, привел краткую характеристику речей учеников А.С.Лаппо-Данилевского, произнесенных во время чествования учителя его дипломатическим семинарием.¹² В приветственной речи, произнесенной от имени семинария А.А.Шиловым, основное внимание было уделено заслугам А.С.Лаппо-Данилевского «в выработке методов обращения с научным материалом».¹³

Основной темой статьи А.А.Кизеветтера стало выяснение соотношения философского и исторического начал в творчестве А.С.Лаппо-Данилевского. Автор пришел к выводу, что «философские штудии А.С.Лаппо-Данилевского идут рука об руку с его исследовательской деятельностью в области русской истории, сообщая ей более широкий размах в области обобщающей мысли», что не ослабляло внимания А.С.Лаппо-Данилевского к «изучению специальных исторических вопросов». В качестве примера такого изучения автор привел «обширный труд по истории политического сознания русского общества в эпоху Московского государства и в XVIII ст., обнаружения... [которого. — *Е.Р.*] ожидают друзья русской исторической науки».¹⁴

Празднование 25-летия научно-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского завершилось изданием сборника статей его учеников, посвященного этому событию.¹⁵ Среди авторов сборника были А.И.Андреев, А.А.Шилов, В.И.Веретенников, В.Н.Кун, Г.М.Котляров, М.Ф.Злотников, Н.И.Сидоров, М.Н.Смирнов. Все статьи были написаны участниками дипломатического семинария А.С.Лаппо-Данилевского и были связаны с его проблематикой. А.И.Андреев поместил в сборнике и очерк деятельности кружка А.С.Лаппо-Данилевского. Автор подчеркнул методологическую направленность деятельности кружка, определил основные этапы его развития и направления работы.¹⁶

В 1915 году вышли две обстоятельные статьи, посвященные анализу «Методологии истории». Первая развернутая рецензия на книгу «Методология истории» принадлежит перу одного из учеников А.С.Лаппо-Данилевского — Т.И.Райнову.¹⁷ В статье под названием «О философских взглядах и педагогических воззрениях А.С.Лаппо-Данилевского» рецензент отметил, что А.С.Лаппо-Данилевского можно назвать неокантианцем, но Кант у него — лишь «исходная точка», «толчок», «побуждающий к развитию собственной мысли».¹⁸ По мнению автора, для А.С.Лаппо-Данилевского свойственно даже критическое отношение к Канту, Кант для него — не канон, автор часто обращается и к понятиям докантовской философии. Т.И.Райнов считал, что в труде А.С.Лаппо-Данилевского отсутствует какая-либо догматическая система, но подход автора неизменно характеризуется систематическим единством.¹⁹

С точки зрения Т.И.Райнова, объектом философского интереса А.С.Лаппо-Данилевского было научное познание, наука. Рецензент под-

робно останавливается на этом общем теоретическом основании доктрины А.С.Лаппо-Данилевского, обращаясь по преимуществу к «Методологии истории». Свои доводы он дополнил ссылками на статью А.С.Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины Конта».²⁰ Исходя из разрозненных высказываний А.С.Лаппо-Данилевского, Т.И.Райнов выстроил следующую цепь рассуждений автора «Методологии истории». Целью развития науки является стремление к единству знаний. Развитие науки проявляется в форме построения действительности в научном, т.е. во всеобщем, значении. Эта задача решается путем отбора и систематизации данных индивидуального переживания. Такой подход определяет основные принципы построения научного познания. Базовым принципом научного познания в системе А.С.Лаппо-Данилевского выступает принцип систематического единства знания. Т.И.Райнову импонировал такой подход автора, характерный для позитивистского направления в науке. Рецензент характеризовал теоретическое построение автора «Методологии истории» как философскую новацию, так как, по его мнению, в системе А.С.Лаппо-Данилевского гносеология становится учением о методах научного познания с точки зрения их подчиненности соответствующим философским принципам. В то же время Т.И.Райнов считал недостаточно аргументированным сам вывод А.С.Лаппо-Данилевского о том, что во всяком познании человек стремится к единству знаний, так как вся аргументация в книге, по словам рецензента, сводилась к аналогии знания с сознанием, которое, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, характеризуется единством.²¹ Останавливаясь на других недостатках работы, Т.И.Райнов отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский не затронул ряда принципиальных философских вопросов, ответы на которые следовало бы дать, исходя из содержания теоретических выводов его методологии. Автор рецензии высказал мнение, что А.С.Лаппо-Данилевским не решены проблемы отношения действительности к предмету познания, содержания принципов знания и действительности, а также не разъяснено понятие «единства в систематическом смысле».²²

Несмотря на критику, Т.И.Райнов очень высоко оценил философские достижения «Методологии истории». Считая союз философии и эмпирической науки естественным и необходимым, рецензент констатировал, что теоретическая работа А.С.Лаппо-Данилевского была одиночкой попыткой выработать принципы научного познания и их системного приращения.²³

Кроме анализа книги «Методология истории», в статье Т.И.Райнова содержится характеристика деятельности семинария А.С.Лаппо-Данилевского по методологии истории, участником которого был и автор статьи. Т.И.Райнов оставил единственное в литературе подробное описание организации и порядка работы этого объединения. Автор отмечал, что многие из выступлений его руководителя «могли бы составить специальные статьи», способные заполнить «весьма существенные пробелы в философской литературе».²⁴ Т.И.Райнов дал развернутую характеристику метода мышления своего учителя и подчеркнул, что А.С.Лаппо-Данилев-

ский «заботится о внутренней стройности, строгости и четкости [мысли. — *Е.Р.*]... и менее всего о ее внешней красоте».²⁵ По Т.И.Райнову, особенностью процесса анализа А.С.Лаппо-Данилевского является присущая ему «чрезвычайная обостренность различающей функции мышления». По мнению автора, каждый участник семинария неизбежно выносил из занятий у А.С.Лаппо-Данилевского что-либо «по части методов научного исследования, “мышления” вообще».²⁶ «Для многих участие в [семинарии. — *Е.Р.*], — подчеркивал Т.И.Райнов, — было и остается настоящей эпохой в умственном, в частности — в научном их развитии и созревании».²⁷

Н.Д.Кондратьев в статье «Теория истории А.С.Лаппо-Данилевского» кратко изложил основы методологии ученого, критически оценил ее и указал на место этого труда в ряду аналогичных по задачам работ.²⁸ Особый интерес вызывают замечания Н.Д.Кондратьева, относящиеся к самым основаниям рассматриваемой доктрины.²⁹ Отмечая, что фундаментальными основами «Методологии истории» являются принципы «единства сознания» и «систематического единства» знания, Н.Д.Кондратьев считал, что вопрос об их соотношении остался невыясненным. Иными словами, для рецензента осталось неясным, что в методологии А.С.Лаппо-Данилевского первично — чувственный принцип «сознания» или теоретико-познавательный принцип «систематического единства знания». По мнению Н.Д.Кондратьева, А.С.Лаппо-Данилевский решает этот вопрос в пользу то одного, то другого принципа.³⁰

По поводу выдвигаемого А.С.Лаппо-Данилевским понятия «абсолютные ценности» Н.Д.Кондратьев задает вопрос, почему А.С.Лаппо-Данилевский использует это понятие только применительно к познанию истории с идиографической точки зрения. По мнению рецензента, рассмотрение исторического знания с номотетической точки зрения имеет такое же основание для применения понятия «абсолютные ценности». Тем самым Н.Д.Кондратьев отверг тезис А.С.Лаппо-Данилевского, согласно которому номотетическое знание менее многообразно, чем идиографическое, которое одно только может исходить из высшего критерия. По Н.Д.Кондратьеву, если «обобщенное» так же бесконечно многообразно, как и «единичное», то и понятие «абсолютные ценности» следует относить не только к «индивидуальному», но и к «типическому».³¹ Подобная критика подрывала саму основу концепции А.С.Лаппо-Данилевского. Рецензент высказал также недоумение по поводу соотношения фактов с абсолютной ценностью через «всеобщее значение», так как с точки зрения «объекта истории» они уже признаны «историческими». И наконец, Н.Д.Кондратьев задал коренной вопрос о самой критерии отнесения фактов к абсолютной ценности. По его мнению, в сочинении А.С.Лаппо-Данилевского он не был указан.³² В свете приведенных замечаний становится понятной мысль автора рецензии о пагубном влиянии «пробелов» в основаниях здания методологии на ценность рассматриваемого труда в целом.³³

Н.Д.Кондратьев отметил и достоинства «Методологии истории». К ним он отнес всестороннее исследование А.С.Лаппо-Данилевским принци-

пов причинности, случайности, чужой одушевленности; закона обобщения; конструкцию исторического целого. Особо рецензент отметил глубину теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Справедливо относя А.С.Лаппо-Данилевского к сторонникам идиографического подхода к историческому знанию, Н.Д.Кондратьев подчеркнул, что ученому удалось преодолеть существенные недостатки концепций своих предшественников, страдавших либо слишком большой общностью, удаленностью от конкретного исторического материала, либо малой обоснованностью философских принципов. По мнению рецензента, А.С.Лаппо-Данилевский попытался объединить идиографическую и номотетическую точки зрения на почве совмещения общефилософского и специально-исторического знания, «соединяя в себе лучшие достоинства и того и другого».³⁴ На наш взгляд, анализ Н.Д.Кондратьевым книги «Методология истории» относится к наиболее глубоким откликам на этот труд.

Таковы первые отклики и оценки двух первых выпусков «Методологии истории». Их основным содержанием стал анализ принципов «Методологии истории» в кругу идей того времени, критический подход к выдвинутому А.С.Лаппо-Данилевским положениям с позиций позитивизма. Все рецензенты отмечали положительное значение труда призывали автора продолжить разработку своей концепции и ждали публикации 3-го выпуска «Методологии истории».

Кончина А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. поставила перед его коллегами и учениками вопрос о подведении итогов творческого пути ученого. Первая попытка проанализировать результаты научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и наметить пути систематизации и изучения его творческого наследия принадлежала Академии наук. В апреле 1919 г. академик М.А.Дьяконов зачитал на общем собрании Академии некролог А.С.Лаппо-Данилевского.³⁵ После его смерти М.А.Дьяконов несколько месяцев исполнял основные обязанности, которые до этого нес в Академии А.С.Лаппо-Данилевский, и возглавил комиссию по изданию его трудов. Дав общую характеристику научной деятельности своего коллеги, М.А.Дьяконов отметил в качестве особой заслуги А.С.Лаппо-Данилевского «создание школы... научно-критического изучения источников».³⁶ Автор некролога считал, что наиболее важным трудом для самого А.С.Лаппо-Данилевского была «Методология истории». В то же время сам М.А.Дьяконов не решился предположить, в какой мере результаты этого труда «оригинальны и значительны».³⁷ Смерть самого М.А.Дьяконова в августе 1919 г. прервала работу Академии по разбору и подготовке к изданию трудов А.С.Лаппо-Данилевского.

В статье «Памяти А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова» (1919 г.) Я.Л.Барсков высказал мнение, что никто из русских ученых не сделал так много для методологии истории, как А.С.Лаппо-Данилевский. В то же время относительно книги «Методология истории» в статье содержится и критическое замечание: «<...> курс... к сожалению, был известен лишь по записям слушателей, хотя и напечатанным под редакцией автора. Яс-

ная, четкая речь Лаппо-Данилевского была вообще лишена живости и блеска, которые привлекают читателя».³⁸ В статье, «посвященной памяти загубленных друзей и коллег» (1920 г.), М.И.Ростовцев дал схожую, но эмоционально более яркую характеристику трудам А.С.Лаппо-Данилевского по методологии истории: «<...> его лекции по философии истории – глубокие и тяжелые – были и наслаждением и мучением для ряда начинающих историков, его учеников».³⁹

В 1919 г. появилась серия публикаций об А.С.Лаппо-Данилевском в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии».⁴⁰ Ее авторами были Г.В.Вернадский, Б.Д.Греков и А.И.Маркевич. Всех трех авторов связывали с А.С.Лаппо-Данилевским давние и теплые отношения. Если Б.Д.Греков и Г.В.Вернадский являлись в определенной степени учениками А.С.Лаппо-Данилевского и принимали участие в возглавляемых им научных предприятиях, то А.И.Маркевич, по-видимому, начиная с 1880-х гг. входил в круг «крымских знакомых» ученого (А.С.Лаппо-Данилевский почти каждый год приезжал в Симферополь, где он провел свои гимназические годы). Не принявшие Октябрьского переворота 1917 г. Г.В.Вернадский и Б.Д.Греков переехали в Крым, где вместе с другими русскими интеллигентами оказались отрезанными на годы гражданской войны от ученых центров и библиотек Москвы и Петрограда. Поэтому очерки этих авторов о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского основаны почти исключительно на воспоминаниях и содержат целый ряд фактических неточностей. Тем не менее они представляют несомненный историографический интерес как одни из первых попыток подведения итогов творчества ученого.

Статья Г.В.Вернадского заслуживает внимания прежде всего тем, что является единственной историографической работой, специально посвященной трудам А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории XVIII в.⁴¹ Г.В.Вернадский отметил значение исследований А.С.Лаппо-Данилевского прежде всего для «методологии истории новой России», в основе которой лежала его «установка на строгое согласование выводов с материалом».⁴²

Б.Д.Греков в статье «Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского»,⁴³ с одной стороны, обратил внимание на темы уже затронутые в литературе: был приведен подробный, хотя и менее стройный по сравнению с рецензиями Н.Д.Кондратьева, Т.И.Райнова, Н.И.Кареева, обзор содержания «Методологии истории»⁴⁴; сжато дана оценка «Организации прямого обложения» и того резонанса, который труд получил в историографии.⁴⁵ С другой стороны, Б.Д.Греков осветил историю и основные черты школы А.С.Лаппо-Данилевского,⁴⁶ затронул вопросы научно-организаторской деятельности академика.⁴⁷ Автор считал, что в основе исторических занятий А.С.Лаппо-Данилевского был «теоретический интерес».⁴⁸ Согласно Б.Д.Грекову, основная черта ученого «в течение всей его жизни, это необычайная осторожность, тщательность и точность в изучении источника, строгость и обоснованность выводов».⁴⁹ По мнению автора, сочетание этих черт отразилось в теоретических занятиях А.С.Лаппо-Данилевского, которые постепенно превратили его «из исто-

рика, посвящавшего себя изучению конкретных явлений жизни, в чистого теоретика исторического знания».⁵⁰ Рассматривая проблему школы А.С.Лаппо-Данилевского, Б.Д.Греков назвал отличительной чертой работы его учеников (к числу которых автор относил и себя) «строжайшую научную выправку», подчеркивая, что учитель «требовал прежде всего строгого научного метода».⁵¹ Исходя из этого положения, Б.Д.Греков делает заключительный вывод: «А.С... жил для науки и в науке видел жизнь, через науку подходил к жизни, в науке искал и находил смысл и озарение своей жизни».⁵² В конце статьи Б.Д.Греков первый в литературе указал на духовно-этическую основу научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского.⁵³

А.И.Маркевич своим обзором положил начало обсуждению в литературе вопроса о роли А.С.Лаппо-Данилевского как организатора архивного дела в России.⁵⁴ В числе основных направлений архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского автор назвал его участие в работе губернских ученых архивных комиссий, руководство Особой комиссией Русского исторического общества, а затем Союзом российских архивных деятелей. Целью архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, по словам А.И.Маркевича, было преодоление российского «архивного нестроения».⁵⁵ В статье также впервые приводится и общий обзор археологической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.⁵⁶

В 1920 г. с оценкой «Методологии истории» выступил один из видных теоретиков исторической науки Л.П.Карсавин. В книге «Введение в историю» («Теория истории»)⁵⁷ Л.П.Карсавин охарактеризовал работу А.С.Лаппо-Данилевского как «один из наиболее обширных и систематических курсов по теории и методологии истории» и высказал мнение о том, что «для всякого, серьезно изучающего вопросы теории истории, она является необходимой». В труде А.С.Лаппо-Данилевского Л.П.Карсавин особенно привлекли богатство и полнота изложения историографии предмета. В то же время автор утверждал, что собственное построение А.С.Лаппо-Данилевского недостаточно ясно и обоснованно, считая, что «единого построения задач и методов истории не дано».⁵⁸

Важным историографическим фактом стало издание «Очерка русской дипломатики частных актов» (1920 г.),⁵⁹ который был подготовлен к печати учеником А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Андреевым.⁶⁰ «Очерк...» сразу же оказался в сфере внимания авторов работ о научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

В 1920 г. в Петрограде вышел специальный сборник статей (отдельный том «Русского исторического журнала»⁶¹), посвященный памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Большинство работ, помещенных в сборнике, было непосредственно связано с анализом творчества историка. Среди них были статьи Н.И.Кареева, И.М.Гревса, С.Ф.Ольденбурга, Б.А.Романова, В.И.Веретенникова, С.Н.Валка и А.Е.Преснякова.

Основой статьи Н.И.Кареева «Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского» стал доклад в Историческом обществе при Петроградском университете, с которым Н.И.Кареев выступил в 1919 г.⁶² От первой его рецензии на «Методологию истории» (1913 г.)⁶³ данная статья

отличается более полным изложением концепции А.С.Лаппо-Данилевского, а также ее критической оценкой. Примечательным элементом статьи является единственное в литературе краткое описание не опубликованной в типографском варианте (есть литографическое издание⁶⁴) части «Методологии истории».⁶⁵ Н.И.Кареев очень высоко оценил историко-теоретические исследования А.С.Лаппо-Данилевского, отмечая, в частности, стремление А.С.Лаппо-Данилевского избежать какой-либо одно-сторонности в решении рассматриваемых вопросов. В то же время автор отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский по своим взглядам примыкал к «кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали наибольшее влияние Виндельбанд и Риккерт».⁶⁶ Н.И.Кареев отметил предпринятую А.С.Лаппо-Данилевским попытку объединения номотетической и идиографической точек зрения, оценивая ее как достижение «синтеза, снимающего противоположности и примиряющего их в высшем единстве».⁶⁷ По некоторым вопросам Н.И.Кареев высказал иное мнение, нежели А.С.Лаппо-Данилевский. В частности, он отверг то обоснование необходимости идиографичности истории, которое предложил А.С.Лаппо-Данилевский. По Н.И.Карееву, специфика индивидуального в истории не столько в том, что оно является неповторяющейся частью известного целого, а в обособлении его от этого целого. Смысл этого замечания напрямую связан с отличной от взглядов А.С.Лаппо-Данилевского точкой зрения на то общее, что они называли «человечеством». Критически оценивая историко-теоретическую концепцию А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареев считал, что «человечество, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя, взятое в своих разрозненных частях, и является единым и единственным, что и делает возможным идиографическое его изучение».⁶⁸ С этим утверждением был связан и другой упрек Н.И.Кареева. Он считал недостаточно обоснованным понимание А.С.Лаппо-Данилевским человечества как главного объекта истории и указал на самодовлеющее значение в сознании А.С.Лаппо-Данилевского его социологической концепции.⁶⁹ Н.И.Кареев отметил, что А.С.Лаппо-Данилевский противопоставил позитивизму О.Конта не иную философию, а пытался «пересмотреть некоторые построения [позитивизма. — Е.Р.] с точки зрения чистой науки». Автор пришел к выводу о том, что «по существу же сам Лаппо-Данилевский был и позитивистом и социологом в более широком понимании и более свободном критическом направлении».⁷⁰

Цель статьи И.М.Гревса — «опыт истолкования души»⁷¹ покойного друга. Как отмечал сам автор, эта статья представляет собой расширенный текст речи, посвященной памяти А.С.Лаппо-Данилевского, прочитанной им на собрании памяти историка, организованном Академией наук в 1919 г.⁷² И.М.Гревс пытался обрисовать облик А.С.Лаппо-Данилевского через изображение разных сторон его личности и характера. Основными свойствами личности покойного ученого И.М.Гревс считал «дворянское воспитание», «любовь к природе», «научный интерес»,⁷³ «любовь к музыке», «религиозность»,⁷⁴ сосуществование в сознании А.С.Лаппо-Данилевского идей двух разных путей познания — религиозного и на-

учного.⁷⁵ По И.М.Гревсу, проникновенная религиозность стала основой глубокого понимания А.С.Лаппо-Данилевским своего этического долга. Эта черта его личности и «научный интерес» порождали стремление к совершенству научного познания.⁷⁶ Автор отмечал, что стремление к совершенству в познании, с одной стороны, порождало самопессимизм А.С.Лаппо-Данилевского,⁷⁷ а с другой — заставляло его искать опору в систематизации научного знания и выработке в себе истинного энциклопедизма⁷⁸ (основы которого были заложены базовым образованием — лучшей стороной дворянского воспитания). И.М.Гревс считал, что самопессимизм, связанные с ним строгость к себе и повышенная самокритика порождали болезненное самолюбие А.С.Лаппо-Данилевского, протестующее против «задевания другими наболевших от самокритики мест».⁷⁹ По И.М.Гревсу, чувство этического долга и стремление к совершенству в науке порождали и требовательность А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к другим. Как отмечал автор, в сочетании с проявлениями болезненного самолюбия А.С.Лаппо-Данилевского это привело к несправедливой легенде о нем как «гордом педанте, самоуверенном и сухом, придирчивом индивидуалисте».⁸⁰ И.М.Гревс выразил мнение, что систематизация научного знания и соответствующий ей энциклопедизм нашли яркое выражение в профессиональных занятиях А.С.Лаппо-Данилевского историей. На взгляд автора, ученого все больше привлекала «теория истории», работа над которой все более систематизировалась, перерастая во всеобъемлющую систему «теоретического обществоведения».⁸¹ Согласно И.М.Гревсу, этим обусловлено и то, что «постепенно можно сказать, философ в А.С.Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, как это понимание развивалось в концепцию широкой полноты и стройности».⁸² В то же время, как отметил И.М.Гревс, основные труды А.С.Лаппо-Данилевского так и остались незавершенными из-за стремления к совершенству в научном познании.⁸³

И.М.Гревс неоднократно отмечал незыблемую научную принципиальность как линию всего поведения А.С.Лаппо-Данилевского.⁸⁴ Хотя формально автор отказался от выводов,⁸⁵ он все же пришел к определенному аналитическому обобщению в своем «истолковании души»: «одушевляла, одухотворяла, единила многообразные крупные начала его души — высокая жажда (Sehnsucht) бесконечного, постоянная мысль, упорная и властная о вечном... Его проникало все больше убеждение в духовности космоса, ощущение мировой любви, как основного закона бытия, понимание зависимости человека от космоса силою притяжения этой мировой любви, которая вместе с тем наполняет его правдой и значит дает свободу: единство и свобода в любви!... А.С. шел к вечности через науку, философию, природу, жизнь; он мыслил ее религиозно; может быть музыка ближе всего подводила его к мистическому восприятию высшего мирового начала, Бога».⁸⁶ Свой взгляд на личность А.С.Лаппо-Данилевского И.М.Гревс подкреплял цитатами из юношеского дневника⁸⁷ и пи-

сем историка, которые, впрочем, скорее иллюстрируют оценки И.М.Гревса, нежели прямо провоцируют их, — естественно, что в основе взгляда автора на личность ушедшего товарища лежал личный опыт и особенности его собственного мирозерцания, а не источниковый материал.

Среди воспоминаний об А.С.Лаппо-Данилевском важное место занимает очерк одного из его ближайших друзей, неперемного секретаря Академии С.Ф.Ольденбурга — «Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук».⁸⁸ Среди затронутых в очерке тем: научно-организаторский стиль работы академика А.С.Лаппо-Данилевского⁸⁹; составление плана издания архивных документов, издание «Грамот Коллегии экономии»⁹⁰; издание трудов А.А.Куника⁹¹; оценки научных работников и их трудов, данные А.С.Лаппо-Данилевским по поручению Академии⁹²; общественная и политическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского⁹³; международная научная деятельность академика.⁹⁴ С.Ф.Ольденбургом были упомянуты и такие факты научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского, как издание источников,⁹⁵ организация деятельности архивных комиссий,⁹⁶ проекты укрепления Академии,⁹⁷ организация Института социальных наук,⁹⁸ труды А.С.Лаппо-Данилевского о русской науке.⁹⁹ Таким образом, С.Ф.Ольденбург очертил поле деятельности для последующего изучения круга занятий ученого в Академии наук.

«Две речи» Б.А.Романова¹⁰⁰ выдержаны в жанре, созвучном очерку И.М.Гревса, который можно назвать рефлектирующими воспоминаниями. Неслучайно И.М.Гревс хвалил и рекомендовал первую из речей Б.А.Романова к публикации.¹⁰¹ Очерки Б.А.Романова в целом дают представление о личности и жизни А.С.Лаппо-Данилевского, созвучное содержащемуся у И.М.Гревса: уважение к человеку, верность научному долгу, строгость мысли. Б.А.Романов считал, что «в облике А.С. сходятся логические и этические нити человеческой природы».¹⁰² Б.А.Романов восстанавливает облик А.С.Лаппо-Данилевского через раскрытие конкретных эпизодов общения (семинарий, экзамен, заседание исторического кружка).¹⁰³

Статья В.И.Веретенникова посвящена рассмотрению педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁰⁴ В.И.Веретенников отметил, что не может пока «спокойно, со взглядом издали подойти к делам и творениям покойного учителя»,¹⁰⁵ что цель этих воспоминаний «постараться наметить те черты дорогого учителя, которые сделали для меня Александра Сергеевича именно моим дорогим и единственным учителем».¹⁰⁶ Среди этих черт автор называл: «культ настоящего знания»,¹⁰⁷ главенство «чистой науки» во всей работе. О школе А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Веретенников писал не как о направлении в историографии или даже в исторической методологии, а в чисто педагогическом смысле: «Эта школа состояла не в том, что ученики усваивали себе более или менее догматически основные идеи своего учителя и затем, усвоив их, продолжали их дальнейшее развитие в том или ином направлении, с той или иной точки зрения. Александр Сергеевич не давал никакой догматики своим ученикам... он выковывал у... ученика настоящее понимание методов познания как той или иной специальности, так, может быть, и в более широ-

ком масштабе».¹⁰⁸ По словам В.И.Веретенникова, эта педагогическая работа основывалась на огромной эрудиции, которая была «собственным знанием» ученого, прошедшим «через горнило его аналитического ума»,¹⁰⁹ и соответствовала «исключительной широте ученого горизонта»,¹¹⁰ а также открытости для аудитории лаборатории его научных построений.¹¹¹ Появление в литературе такого представления об А.С.Лаппо-Данилевском как ученом и профессоре в отрыве от его этических, философских и исторических взглядов важно, поскольку позволяет более критически взглянуть на различные попытки «синтеза» и более объективно оценить роль А.С.Лаппо-Данилевского и его идей в формировании мировоззрения и научных методов его учеников и петербургской исторической школы в целом.

Очерк С.Н.Валка «Воспоминание ученика» в «Русском историческом журнале» (1920 г.), главным образом, посвящен А.С.Лаппо-Данилевскому как создателю новой для России вспомогательной научной дисциплины — дипломатики. Мы объединили в нашем рассмотрении серию аналитических суждений С.Н.Валка о дипломатическом методе А.С.Лаппо-Данилевского и его школы.¹¹² Благодаря работам С.Н.Валка,¹¹³ А.С.Лаппо-Данилевский признан в литературе как основатель русской школы дипломатики частного акта.¹¹⁴ Это суждение С.Н.Валк высказал уже в первом кратком отклике на «Очерк дипломатики частного акта».¹¹⁵ В той же рецензии С.Н.Валк указал и на то, что в «Очерке дипломатики...» получили развитие общие принципы «Методологии истории».¹¹⁶ В очерке «Воспоминание ученика» С.Н.Валк основное внимание уделил истории дипломатического семинария А.С.Лаппо-Данилевского. Наблюдения автора интересны и с точки зрения истории русской дипломатики, и с точки зрения генезиса научных взглядов в этой области как А.С.Лаппо-Данилевского, так и самого С.Н.Валка. По его словам, существовало две группы («правая» и «левая») в семинарии и кружке по изучению частных актов.¹¹⁷ Исходя из изложения С.Н.Валка, можно предположить, что в ходе эволюции семинара изменялся и характер «оппозиционности» двух групп по отношению друг к другу. Вначале «библиографы» («правая»), связывавшие свои задачи с исторической практикой, противостояли теоретикам акта («левая»). Затем, по мере работы над актами и развития теории, положение изменилось: «Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально-обоснованному. На место случайного состава записи становился другой — целебусловленный».¹¹⁸ Автор давал понять, что вместе с А.С.Лаппо-Данилевским принадлежит к лагерю «теоретиков». Благодаря мысли «теоретиков», согласно С.Н.Валку, лучше почувствовали себя именно «практики», т.е. работники «того психологического склада, что более склонен к библиографическому типу работы... Вот научно-психологический момент, создавший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее».¹¹⁹ Но движение вперед «левой» группы, вдохновляемое А.С.Лаппо-Данилевским, продолжалось. Автор так оценивал научные позиции членов кружка А.С.Лаппо-Данилевского на момент его распада: «<...> если для части из нас дипломатика приобретала такое независимое значение об-

ласти самостоятельных проблем, то из остальных одни продолжали тяготесть к исходным точкам — к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они-то и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клаузуального анализа акта (наша же правая».¹²⁰ Замечания, приведенные в «Воспоминании ученика», соответствовали точке зрения о расхождении в семинаре А.С.Лаппо-Данилевского, высказанной С.Н.Валком двумя годами позднее — в другой рецензии на «Очерк дипломатики частных актов» А.С.Лаппо-Данилевского.¹²¹ Однако в статье 1922 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступает скорее как представитель «правой», т.е. чуждой рецензенту точки зрения.¹²² На наш взгляд, в действительности А.С.Лаппо-Данилевский в «Очерке дипломатики частных актов» синтезировал позиции участников кружка. Сам С.Н.Валк отмечал, что, несмотря на разногласия, членам кружка «все яснее становилось, что научно мы несомненно представляем что-то единое»,¹²³ но одновременно сводил это общее к абстрактным категориям единства «в пределах абсолюта», понимание «этического императива», научного дела¹²⁴ и объединения самой личностью А.С.Лаппо-Данилевского.¹²⁵ Проводимая в «Воспоминании ученика» и рецензии 1922 г. сепарация взглядов участников семинара объективно подготавливала основания для вызревания формально-эволюционной концепции С.Н.Валка, преодолевающей установки методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского.¹²⁶ С другой стороны, сам факт фундаментальных расхождений между участниками семинара А.С.Лаппо-Данилевского не вызывает сомнений. Именно поэтому интегрирующий подход самого А.С.Лаппо-Данилевского вызвал возражения у представителя другой («правой») точки зрения. Выражением этой точки зрения стала рецензия Г.М.Котлярова.¹²⁷ Если С.Н.Валк критиковал А.С.Лаппо-Данилевского за необоснованное преобладание «систематической» точки зрения над «эволюционной» в вопросе «об актах с осведомительным и актах с удостоверительным характером»,¹²⁸ то Г.М.Котляров недостаток всей системы А.С.Лаппо-Данилевского видел, по сути, как раз в неразвитости юридической точки зрения: как с позиций методологии (ошибочное выделение А.С.Лаппо-Данилевским исторического источниковедения акта, т.е. изучение его как явления («документа с правозначимым содержанием») из исторического построения), так и с позиций собственно дипломатики — отсутствия у А.С.Лаппо-Данилевского «выяснения видов и разновидностей русских старинных актов».¹²⁹

В 1922 г. вышел из печати первый том «Сборника грамот Коллегии экономии».¹³⁰ В редакторском предисловии А.И.Андреев изложил историю подготовки издания. Особое место автором было уделено освещению роли А.С.Лаппо-Данилевского, в течение почти двадцати лет руководившего подготовительными работами по изданию сборника.¹³¹ Одновременно с его выходом в свет Академией наук (под редакцией А.И.Андреева) были опубликованы и «Правила издания сборника грамот коллегии экономии».¹³² На первый том «Сборника...» и «Правил...» откликнулся С.Н.Валк. В рецензии с подзаголовком «Историографичес-

кие заметки» он показал, что начало издания «Сборника грамот Коллегии экономии» было подготовлено всем ходом развития российского актоведения и археографии. С.Н.Валк обратил внимание и на то, что «работа над изданием «Сборника» имела результатом... создание в условиях русской науки новой для последней исторической дисциплины — дипломатики».¹³³

Под редакцией А.И.Андреева в 1922 г. вышел в свет и «Терминологический словарь частных актов Московского государства».¹³⁴ В предисловии редактор показал основные этапы работы над словарем, проходившей под руководством А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁵

Расхождения С.Н.Валка с учителем по ключевым вопросам теории источниковедения не мешали ему высоко оценивать в целом значение «Методологии источниковедения» и отдельных разделов этого труда. Обратившись в 1922 г. к проблеме критики мемуаров политических деятелей русской революции (которые в большом количестве появлялись в печати в начале 1920-х гг.), С.Н.Валк призывал историков при анализе этого источника следовать приемам критики мемуаров, изложенной в «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁶

От имени Петербургского философского общества некролог А.С.Лаппо-Данилевского был подготовлен Н.В.Болдыревым и опубликован в журнале «Мысль» (1922 г.).¹³⁷ Автор охарактеризовал философские искания А.С.Лаппо-Данилевского как попытку системного познания истины. Согласно Н.В.Болдыреву, для того, чтобы познать истину, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к научному знанию, для того, чтобы понять принципы этого знания, — к выяснению философского содержания понятия принципа.¹³⁸

За 1919—1922 гг. наибольшее количества работ, посвященных наследию А.С.Лаппо-Данилевского, вышло из-под пера А.Е.Преснякова.¹³⁹ Поскольку итогом разбора творчества А.С.Лаппо-Данилевского для А.Е.Преснякова стало издание им в 1922 году специального исследования (вышедшего отдельной брошюрой), посвященного ученому, мы приняли текст этого издания в качестве основы для характеристики его позиции. Попытка биографии А.С.Лаппо-Данилевского, осуществленная А.Е.Пресняковым, опиралась как на его собственные статьи, так и на появившиеся к тому моменту в печати статьи других авторов, прежде всего И.М.Гревса,¹⁴⁰ наблюдения которого он использовал в конструировании научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского.

Изложение А.Е.Преснякова строится с позиций его представлений о петербургской исторической школе и неприятия позиций историко-юридической школы, которую А.Е.Пресняков в данном случае отделял от московской. Автор особо отметил независимость А.С.Лаппо-Данилевского как от петербургской исторической школы,¹⁴¹ так и от московской (В.О.Ключевского).¹⁴² Кроме того, А.Е.Пресняков противопоставил позицию представителя московской школы П.Н.Милюкова позиции А.С.Лаппо-Данилевского как представителя историко-юридической школы.¹⁴³

Так же как и другие авторы, А.Е.Пресняков отметил влияние на А.С.Лаппо-Данилевского философии неокантианства, прежде всего Г.Риккерт

и В.Виндельбанда.¹⁴⁴ А.Е.Пресняков определил центральный пункт методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского об «абсолютных ценностях» как догматический и метафизический,¹⁴⁵ хотя и признал его методологическую обусловленность.¹⁴⁶ По его словам, А.С.Лаппо-Данилевский вводит понятие «абсолютные ценности» в «методологически обусловленной форме», показывая их логическую необходимость для построения исторического знания. А.Е.Пресняков далее заметил, что введение понятия абсолютных ценностей «служит очевидно и другой цели: сознательному уяснению и обоснованию представления об абсолютных ценностях и их роли в исторической действительности». По мнению А.Е.Преснякова, эти «течения его мысли (методологическое и морально-догматическое) неотделимы: раз этические ценности имманентны сознанию, они реальный фактор того психического процесса, в котором суть коллективной исторической жизни, а в то же время, понятие о них — необходимая категория в построении исторического знания».¹⁴⁷ Проанализировав, таким образом, центральное теоретическое положение «Методологии истории», А.Е.Пресняков обратил внимание на те методологические проблемы, которые с ним связаны. Отмечая, что главное своеобразие «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского состоит в том, что он вводит в построение теории исторического знания априорный элемент этического характера, А.Е.Пресняков считал, что этот «догматический элемент» оказался «нерастворимым для всего напряжения критической мысли».¹⁴⁸ Указав на целевое и методологическое единство различных сторон творчества А.С.Лаппо-Данилевского,¹⁴⁹ А.Е.Пресняков подчеркнул зависимость сознания А.С.Лаппо-Данилевского от определенной культурной традиции¹⁵⁰ и, как следствие, историографической традиции (историко-юридической).¹⁵¹ По А.Е.Преснякову, нерешенность вопроса об эволюции априорных форм сознания вообще — слабый пункт во всей методологии и мировоззренческой позиции А.С.Лаппо-Данилевского, применимый и к нему лично.¹⁵² Все это дало возможность историографу осторожно намекать на ограниченность выводов А.С.Лаппо-Данилевского как историка.¹⁵³ А.Е.Пресняков первый в литературе представил схему русской истории А.С.Лаппо-Данилевского в контексте его историософской системы.¹⁵⁴ А.Е.Пресняков проследил органическую связь этического и познавательного элемента в системе А.С.Лаппо-Данилевского, отметил единство его научно-методологических взглядов в области теории истории, источниковедения, специальных исторических дисциплин и археографии.

Не разделяя научных взглядов героя своего очерка, автор пытался показать его крупную роль в науке, исключительную ценность системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского,¹⁵⁵ значение созданной им школы,¹⁵⁶ его выдающуюся научно-организаторскую роль.¹⁵⁷ Таким образом, А.Е.Пресняков собрал воедино все высказанные к тому времени наиболее важные суждения о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и добавил от себя много оригинального и ценного, что позволило ему создать наиболее цельный и содержательный очерк об А.С.Лаппо-Данилевском.

В 1922 г. вышла в свет рецензия С.Н.Чернова на номер «Русского исторического журнала», посвященный памяти А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁵⁸ В целом положительно оценив значение этого сборника статей для начала изучения творческой биографии ученого, рецензент отметил, что многие важные вопросы, связанные с деятельностью А.С.Лаппо-Данилевского, остались вне сферы внимания авторов этого издания. С.Н.Чернов заметил, что в материалах сборника «не прослежено во всех направлениях... сложение ученой личности А.С., особенно в годы студенчества и первые годы по окончании университета».¹⁵⁹ Рецензент считал, что авторы обобщающих статей сборника (И.М.Гревс и А.Е.Пресняков) не учли в достаточной степени того, что дал А.С.Лаппо-Данилевскому «родной Петроградский университет в своих обоих поколениях и во всех группах того времени [1880—1890-е гг. — *Е.Р.*]».¹⁶⁰ К числу тем, которые не получили в нем достаточного освещения, рецензент отнес научно-организаторскую деятельность ученого, его работы в Археологической комиссии и исторических обществах, общественно-политическую деятельность А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶¹ Таким образом, С.Н.Чернов в определенной степени подвел итог историографического изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского к 1922—1923 гг. и наметил направления дальнейшей работы.

Подводили итог жизненного и научного пути А.С.Лаппо-Данилевского и его давние научные противники, и личные недоброжелатели. В связи со смертью А.С.Лаппо-Данилевского Н.Н.Платонова отмечала в дневнике: «<...> в его жизни был один большой успех — ранее (в 30 лет) избрание в Академию Наук, но ведь одним успехом не проживешь. Его магистерская диссертация, при всех своих достоинствах, не была чем-либо особенно выдающимся, да и Милюков в своей рецензии на нее указал, что в финансах России большее значение имеют косвенные, чем прямые налоги, т[ак] ч[то] Л[аппо]-Д[анилевский] мог придти к выводу, что сама тема его поставлена неудачно. Докторской диссертации он так и не написал, хотя много лет собирал для нее материалы (по истории общественной мысли России в XVIII в.). По мнению [Е.В.]Тарле, Л[аппо]-Д[анилевский], как очень благородный человек, мучился сознанием того, что он не оправдал надежд, которые на него возлагались при таком раннем избрании его в Академию Наук, не дал таких трудов, каких от него ожидали, а разменялся на разные съезды, комиссии, рецензии и т.д. — отсюда глубокая неудовлетворенность и озлобленность. Его острое отношение к С[ергею] Ф[едоровичу] [Е.В.]Тарле как и [М.И.]Ростовцев, объясняет завистью: С[ергей] Ф[едорович] мог дать и дал гораздо больше, чем Л[аппо]-Д[анилевский], что последний прекрасно сознавал... Мне лично Л[аппо]-Д[анилевский] представлялся всегда очень несчастным человеком: получив превосходное домашнее образование, зная много языков, обладая колоссальными знаниями и необыкновенной усидчивостью, он всю жизнь стремился воспарить в творческом порыве — и не мог, п[отому] ч[то] в сущности у него не было таланта, творчества, интуиции».¹⁶² Почти буквально слова Н.Н.Платоновой о «бесталанности» А.С.Лаппо-Данилевского и о его «зависти» к С.Ф.Платонову повторяет в своих «Воспоминаниях» В.Г.Дружинин.¹⁶³

Результатом трудов коллег и учеников А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. — начале 1920-х гг. стало создание целостного историографического представления об А.С.Лаппо-Данилевском. Его главными составляющими были оценки современниками научно-организаторской роли ученого и его работ по методологии истории. Связь этих двух сфер деятельности А.С.Лаппо-Данилевского большинству авторов виделась в неуклонном следовании академика своим культурным и этическим идеалам. Таким образом, в основе сформированного в этот период историографического представления об А.С.Лаппо-Данилевском лежало субъективное восприятие его творчества, связанное с факторами личного и научно-методологического восприятия современниками его деятельности.

При рассмотрении основного методологического труда А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории» в 1919—1922 гг. больше анализировались его философские основания, которые рассматривались в кругу идей того времени, связывались с неокантианством и с этих позиций оценивались как «вторичные». В то же время большинство авторов этого времени прочило «Методологии истории» большое будущее в исторической науке, причем издание полного и исправленного текста этой работы представлялось вопросом времени. Поэтому неопубликованной целиком «Методологии исторического изучения» (вторая часть «Методологии истории», которая включала в себя методологию источниковедения и исторического построения) первые исследователи творчества А.С.Лаппо-Данилевского не уделяли достаточного внимания.

Следует учитывать, что «научно-психологический» подход А.С.Лаппо-Данилевского к историческому знанию являлся новаторским для русской науки начала XX века. Не случайно концепция А.С.Лаппо-Данилевского была критически воспринята и представителем «психологически-интуитивистского» направления в историографии Л.П.Карсавиным, и одновременно получила неоднозначную оценку историков-позитивистов. Характерно, что теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского к вопросам исторического знания был критически воспринят такими видными представителями петербургской школы, как И.М.Гревс и А.Е.Пресняков. С нашей точки зрения, критика методологической системы А.С.Лаппо-Данилевского с позитивистских позиций в 1910—1920-е гг. свидетельствовала отчасти и о неприятии самого принципа теоретического подхода к историческому знанию со стороны представителей эмпирического направления петербургской исторической школы.¹⁶⁴

Смерть А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. и почти одновременная с ней кончина М.А.Дьяконова и А.А.Шахматова объективно выдвинула на первый план фигуру С.Ф.Платонова, который оставался одним из немногих представителей старой школы среди административных деятелей советской науки 1920-х гг.¹⁶⁵

С.Ф.Платонов принял на себя абсолютное большинство научно-административных обязанностей, которые нес А.С.Лаппо-Данилевский. В мае 1919 г. С.Ф.Платонов занял освободившийся после смерти А.С.Лаппо-Данилевского пост председателя Союза российских архивных деятелей.

В Академии наук, куда С.Ф.Платонов был избран в августе 1920 г., из должностей, занимаемых ранее А.С.Лаппо-Данилевским, к С.Ф.Платонову перешли председательство в Постоянной исторической комиссии, заведование нумизматическим кабинетом, общее руководство «Русским историческим журналом», редактирование многочисленных изданий по русской истории. В частности, С.Ф.Платонов принял на себя руководство изданием грамот Коллегии экономии, которое для А.С.Лаппо-Данилевского было делом жизни.¹⁶⁶

С.Ф.Платонов возглавил «комиссию по ознакомлению с бумагами А.С.Лаппо-Данилевского», которая продолжила работу образованной ранее «комиссии по изданию трудов А.С.Лаппо-Данилевского». С комиссией сотрудничали многочисленные ученики А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶⁷ В 1923 г. С.Ф.Платонов доложил на заседании отделения истории и социальных наук Академии наук, что главный труд А.С.Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке» подготовлен к печати, в связи с чем Отделение приняло решение о начале печатания труда,¹⁶⁸ которое, однако, стало возможным многие годы спустя, в 1990 г.¹⁶⁹

С.Ф.Платонов продолжил многие академические начинания А.С.Лаппо-Данилевского, и поэтому естественным выглядит привлечение им к этим занятиям ряда учеников последнего. Среди сотрудников С.Ф.Платонова — ученики А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Андреев, М.Ф.Злотников, В.Н.Борсук, С.Н.Валк, В.И.Веретенников и другие.¹⁷⁰ Правой рукой С.Ф.Платонова в Археографической комиссии стал А.И.Андреев, который в 1920-е гг. был одним из лидеров «кружка памяти А.С.Лаппо-Данилевского».¹⁷¹ С.Ф.Платонов характеризовал своего помощника как «исключительно талантливого работника» и первого знатока археографии.¹⁷²

Несмотря на принципиальное различие в подходах к вопросам методологии источниковедения, А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова объединяло представление об историческом источнике как отправной точке всякого исследования, основе каждого вывода и базе любого синтеза. Отсюда особое внимание обоих ученых к задачам археографии, характерное для петербургской школы. Внешнее сходство «нижних этажей» исследовательской работы А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в условиях послереволюционной историографической ситуации обусловило сближение школы А.С.Лаппо-Данилевского с С.Ф.Платоновым и его школой. Разъединяющие факторы, связанные с чрезмерной, на взгляд платоновцев, теоретизированностью подходов к историческому знанию учеников А.С.Лаппо-Данилевского, отошли на второй план, поскольку система методологии истории, альтернативная марксистской, в условиях советской науки не могла быть востребована. Что касается вопросов техники исторического исследования, в частности детально разработанной археографической системы, которую отстаивали ученики А.С.Лаппо-Данилевского, то она со временем получила всеобщее признание как достижение старой школы. Перед тотальным наступлением «лженауки» М.Н.Покровского (как она воспринималась большинством представи-

телей старой школы и ее последователями) происходило стихийное объединение соперничавших группировок петербургской школы. Археографическая традиция А.С.Лаппо-Данилевского наряду с его системой дипломатики и системой изучения летописей А.А.Шахматова органично вошла в общее профессиональное наследие русской науки. Именно С.Ф.Платонов и его ученики вместе с учениками А.А.Шахматова и А.С.Лаппо-Данилевского стали его главными хранителями в тяжелые для исторической науки 1920–1940-е гг.

В 1923 г. под редакцией А.И.Андреева вышло в свет второе издание первого тома «Методологии истории».¹⁷³ Одним из немногих откликов на выход в свет книги стала статья М.Н.Покровского.¹⁷⁴ Рецензент анализировал труд А.С.Лаппо-Данилевского с позиций прагматика и марксиста, сказались на тоне статьи и его враждебные отношения с Академией наук. М.Н.Покровский начал рецензию с заявления о том, что труд А.С.Лаппо-Данилевского в целом ничего нового собой не представлял. На взгляд автора, некоторая оригинальность работы А.С.Лаппо-Данилевского заключалась в рассмотрении учения К.Маркса в общем ряду номотетических концепций, что, с точки зрения рецензента, являлось абсолютно нелепым. М.Н.Покровский считал, что А.С.Лаппо-Данилевский совершенно не понял К.Маркса.¹⁷⁵ По мнению рецензента, книгу академика можно было использовать для справок, но как теоретическая работа она не представляла никакого интереса. Свою позицию М.Н.Покровский обосновывал тем, что в изданном в 1923 г. Академией наук первом выпуске «Методологии истории» содержался только обзор историософских концепций. Для оценки методологической концепции автора, по мнению рецензента, было необходимо дождаться второго выпуска. Делая такую оговорку, М.Н.Покровский тут же заметил, что в отношении А.С.Лаппо-Данилевского у него еще со времени выхода первой работы этого автора («Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований») сложилось мнение, «что он может одолеть невероятное количество материала и изложить его, но не пойти дальше».¹⁷⁶ Учитывая широкую известность «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского и до выхода в свет первого тома очередного издания, такая точка зрения выглядит более чем странной; по сути, теория истории А.С.Лаппо-Данилевского игнорировалась.¹⁷⁷ Правда, в 1920-е гг. М.Н.Покровский выступил и с более развернутой критикой методологии А.С.Лаппо-Данилевского на лекции в Свердловском университете. Определив исторический источник как «продукт классово-борьбы», М.Н.Покровский выступил с резким неприятием «идеалистической» методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁷⁸

Подобная оценка работы А.С.Лаппо-Данилевского прозвучала со стороны другого историка-марксиста — В.И.Невского.¹⁷⁹ «Мы встречаем ту профессорскую объективность, — замечает рецензент о «Методологии истории», — которая в конечном счете страдает эклектизмом и частенько абсолютным непониманием Маркса и его теории».¹⁸⁰ Однако, так же как

и М.Н.Покровский, В.И.Невский считал эту книгу в некотором роде полезной: «Спрашивается... можно ли рекомендовать книгу Лаппо-Данилевского, скажем, нашему студенту высшей школы? Да, марксисту-студенту можно рекомендовать эту книжку, ибо опасаться того, что автор увлечет читателя в болота идеализма, нечего, а между тем в книге можно найти богатейшую литературу вопроса, с которой небесполезно познакомиться каждому работающему в области истории».¹⁸¹

Показательно, что на книгу А.С.Лаппо-Данилевского откликнулись только историки-марксисты. С окончанием гражданской войны правящий режим обоснованно рассматривал либеральную интеллигенцию как одного из своих главных политических противников. В 1922 г. на идеологически чуждых большевизму представителей интеллектуальной элиты обрушилась волна гонений. Наиболее ярким эпизодом этой кампании стала высылка за рубеж ряда видных ученых, в том числе и историков. В этих условиях в 1922–1923 гг. происходят кардинальные изменения историографической ситуации. Они были связаны с ликвидацией неблагоденных, с точки зрения советского режима, исторических журналов, оттеснением историков старой школы от преподавательской деятельности.¹⁸² К середине 1920-х гг. марксистская школа М.Н.Покровского заняла командные позиции в науке. Представители старой школы группировались вокруг учреждений Академии наук, которая до конца 1920-х гг. оставалась оппозиционно настроенной по отношению к новой власти.¹⁸³

Установка на борьбу с буржуазной историографией и теоретические взгляды М.Н.Покровского и его школы исключали возможность объективного рассмотрения творчества дореволюционных историков со стороны представителей этого направления в исторической науке. С другой стороны, точка зрения М.Н.Покровского как признанного лидера официальной исторической науки об отсутствии у А.С.Лаппо-Данилевского какой-либо теории вообще, повлияла на то, что до конца 1920-х гг. имя автора «Методологии истории» фактически не упоминалось в марксистской исторической литературе.

По существу, первый выпуск второго издания «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского (1923 г.) остался последним немарксистским методологическим опытом в советской историографии. На рубеже 1922–1923 гг. в области теории истории утвердилось полное господство марксистской идеологии (работы М.Н.Покровского,¹⁸⁴ А.М.Большакова,¹⁸⁵ М.В.Нечкиной¹⁸⁶ и др.), что делало нереальным и дальнейшее издание труда А.С.Лаппо-Данилевского. В этих условиях продолжение комплексного рассмотрения работ А.С.Лаппо-Данилевского со стороны представителей «старой» исторической школы стало невозможным. Следует учитывать и то, что одним из ее лидеров в 1920-е гг. был академик С.Ф.Платонов, который, как мы видели, хотя и сотрудничал с учениками А.С.Лаппо-Данилевского, но весьма критически относился к теоретическим построениям своего бывшего научного оппонента. С.Н.Валк, занимавший в 1920-е гг. независимое положение по отношению как к школе М.Н.Покровского, так и к школе С.Ф.Платонова, по существу, остался одним из

немногих учеников А.С.Лаппо-Данилевского, открыто развивавшим его научно-теоретические взгляды и способствовавшим их распространению в науке. Так, в 1925 г. С.Н.Валк призвал историков обращаться по вопросам, связанным с «общей критикой текста исторических документов», к «Методологии источниковедения» (один из отделов «Методологии истории») А.С.Лаппо-Данилевского, которую он охарактеризовал как «лучшее руководство не только в русской, но и европейской литературе этого предмета».¹⁸⁷ Однако и этот положительный отзыв о методологическом труде А.С.Лаппо-Данилевского касался только одной из его частей и не был оценкой всей его историко-теоретической системы. Подобным образом можно охарактеризовать и статью А.И.Андреева «О правилах издания исторических текстов» (1926 г.), в которой автор подчеркивал значение работ А.С.Лаппо-Данилевского по составлению археографических правил, прежде всего «Правил издания грамот Коллегии экономии».¹⁸⁸ А.И.Андреев преподавал археографию и дипломатику в Ленинградском университете (1927–1929 гг.) по «плану» А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁸⁹ Характер оценок и использования наследия А.С.Лаппо-Данилевского, таким образом, отражал в целом парадоксальную ситуацию, сложившуюся в советской исторической науке конца 1920-х гг., отличительными чертами которой был, с одной стороны, высокий уровень археографической культуры и специальных исторических дисциплин, а с другой — крайний схематизм и идеологизация теоретических построений.¹⁹⁰

В 1929 г. в связи с десятилетием со времени кончины А.С.Лаппо-Данилевского Академия наук провела ряд мероприятий, посвященных его памяти. В феврале 1929 г. в Академии наук состоялось совместное заседание Комиссии по истории знаний и Археографической комиссии, посвященное памяти А.С.Лаппо-Данилевского, на котором присутствовали почти все ведущие ленинградские историки. С.Ф.Платонов сделал доклад «А.С.Лаппо-Данилевский как русский историк». Текст этого доклада нами не обнаружен, но сам факт представляется знаковым для послеволюционной науки. Собрание, посвященное одному из лидеров старой петербургской школы, объединило и его учеников, и соратников, и бывших научных оппонентов незадолго до начавшегося разгрома школы. Кроме С.Ф.Платонова на заседании также выступили Н.И.Кареев (доклад «Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского») и ученик А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Введенский (доклад «Работа А.С.Лаппо-Данилевского в области вспомогательных наук»)¹⁹¹ Среди мероприятий, посвященных памяти А.С.Лаппо-Данилевского, также была подготовка и публикация «Материалов для биографии А.С.Лаппо-Данилевского», проведенная его учениками А.А.Шиловым, А.И.Андреевым, Н.И.Сидоровым и Н.С.Чаевым (ученик А.И.Андреева). «Материалы...» включали в себя подробную биографическую справку об А.С.Лаппо-Данилевском, список его трудов, библиографию, краткую опись рукописей ученого.¹⁹² Появление «Материалов...» являлось важным фактом в истории изучения научной биографии А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку в дальнейшем они были использованы многими исследователями творчества уче-

ного. Тогда же, в 1929 г., наконец вышел в свет второй том «Сборника грамот Коллегии экономии» под редакцией А.И.Андреева,¹⁹³ печатавшийся Академией в течение трех с половиной лет.¹⁹⁴

Результатом укрепления советской тоталитарной системы в конце 1920-х — начале 1930-х гг. стало усиление идеологического и государственного контроля во всех сферах жизни общества: экономической, политической и культурной. В этом контексте следует рассматривать и новые гонения, обрушивавшиеся на «буржуазную» интеллигенцию и науку. Особенно пострадали от идеологических репрессий общественные науки, мощный удар пришелся по историкам старой школы. В 1929 г. ОГПУ было сфабриковано «Академическое дело», по которому были репрессированы многие видные петербургские и московские историки.¹⁹⁵ Среди репрессированных был и А.И.Андреев — один из наиболее видных учеников А.С.Лаппо-Данилевского. Разгром исторического отделения естественно прекратил деятельность Академии наук по реализации ряда важнейших проектов. Третий том «Сборника грамот Коллегии экономии», который уже печатался под руководством А.И.Андреева,¹⁹⁶ так и не вышел в свет, и его издание было прекращено.

С.А.Пионтковский (ученик М.Н.Покровского) издал в 1931 г. известный труд «Буржуазная историческая наука в России»,¹⁹⁷ где подверг уничтожающей политической критике деятелей старой научной школы. Речь в книге С.А.Пионтковского идет главным образом о школе В.О.Ключевского и С.Ф.Платонова. Однако характерен тот контекст, в котором автор упоминает имя А.С.Лаппо-Данилевского. Выступления коллег и друзей ученого, посвященные его памяти (в шестом номере «Русского исторического журнала» за 1920 год), используются С.А.Пионтковским для доказательства тезиса, что «историки России, сгруппировавшись вокруг Академии наук и ее исторических изданий, были крайне отрицательно и враждебно настроены к советской власти... стремились всеми силами к восстановлению старой дореволюционной России».¹⁹⁸

В конце 1920-х гг. марксистская историческая наука превратилась, по справедливому замечанию одного из исследователей советской историографии, «не только в господствующую, но и в единственно разрешенную».¹⁹⁹ Не случайно одновременно с новым витком политических обвинений и репрессий против «старой школы» в конце 1920-х — начале 1930-х гг. предпринимаются попытки создания новой марксистской «методики» исторического исследования, призванной сменить методику «буржуазных историков». При этом под методологией исследования понимались теоретические положения марксизма (истмат и диамат), а под «методикой» скорее техника исторического исследования.²⁰⁰ Среди работ, посвященных «методике», наиболее фундаментальный характер имели пособия Г.П.Саара и С.Н.Быковского. Оба автора не могли обойти вниманием труды «буржуазных» предшественников и прежде всего А.С.Лаппо-Данилевского. Г.П.Саар в основу своей работы «Источники и методы исторического исследования» (1930 г.), прямо ссылаясь на А.С.Лаппо-Данилевского, положил предложенное им определение предмета методологии

истории и ее структуру (теория исторического знания и методы исторического изучения, распадающиеся на источниковедение и построение), цитируя его в предисловии наравне с Ф.Энгельсом и В.И.Лениным.²⁰¹ При этом Г.П.Саар заявлял, что «для нас не подлежит никакому сомнению, что единственной научной теорией исторического знания является исторический материализм».²⁰² Неким рассуждением на тему исторического материализма является и параграф, посвященный историческому построению, однако источниковедение изложено Г.П.Сааром под очевидным влиянием А.С.Лаппо-Данилевского.

Более непримиримую позицию по отношению к дореволюционным предшественникам в области методологии истории занял С.Н.Быковский. В начале своего труда «Методика исторического исследования» он замечает, что, в отличие от других марксистских работ по методике исторического исследования (включая и труд Г.П.Саара), данная работа «написана не столько на основании трудов “предшественников”, сколько на основании проработки конкретных исторических источников и историко-литературных исследований наиболее видных буржуазных авторов, с критическим к ним подходом и соответствующих трудов виднейших марксистов». При этом автор особо подчеркивает, что «техника или методика исторического исследования, конечно, не может не быть обусловлена методологией истории». Из этого следует и отношение к немарксистским предшественникам. «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского охарактеризована как «труд значительный по своему объему... но чрезвычайно засоренный не идущими к делу, бесполезными в практическом отношении, более того, вредными рассуждениями, идеалистическая основа которых вполне очевидна».²⁰³ Показательно, однако, что в рассуждениях о системе исторической критики (а именно им посвящена большая часть книги) автор в основном следует за «буржуазными» предшественниками, в том числе и А.С.Лаппо-Данилевским.

Одновременно с появлением первых марксистских пособий по методике исторического исследования в советской научной печати была усилена критика буржуазной методологии и теории истории. В качестве примера отметим полемику между А.Айзенбергом и А.И.Тюменевым в 1929–1931 гг. В статье «Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке» А.И.Тюменев предпринял своеобразную атаку на «индивидуализирующую методологию Риккерта» не с точки зрения ортодоксальной марксистской философии, а с точки зрения своих представлений о новом социалистическом обществе. «Социологов и историков будущего общества, — утверждал А.И.Тюменев, — должны будут интересоваться... не индивидуальные факты и события, но общие законы... Для индивидуализирующей истории не останется более совершенно места, и индивидуализирующий метод будет находить себе применение только в отношении прошлых судеб человечества... когда люди еще не управляли своей общественной жизнью, а тенденции общественного развития лишь просматривались сквозь толщу индивидуальных фактов».²⁰⁴ Таким образом, автор фактически допускал существование «индивидуализирующей» точки зрения в историческом исследовании. На статью А.И.Тю-

менева последовал ответ на страницах журнала «Проблемы марксизма». ²⁰⁵ Оппонент А.И.Тюменева А.Айзенберг в статье «Марксистская критика Риккерта или Риккертская интерпретация марксизма» обвинил А.И.Тюменева в том, что он «старательно подстриг под марксизм Риккерта и преподнес нам риккертскую интерпретацию марксизма». ²⁰⁶ А.Айзенберг доказывал, что индивидуализирующий метод в новой советской исторической науке не имеет права на существование, ибо противоречит самой сущности марксистского взгляда на историю.

С критикой теории истории А.С.Лаппо-Данилевского с позиций, близких А.Айзенбергу, выступил в 1931 г. М.М.Цвибак ²⁰⁷ в ходе кампании, развернутой против историков старой школы, во время следствия по «Академическому делу». Тогда же С.Н.Валк предпринял попытку отделить «Методологию истории» от методических идей А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и археографии. ²⁰⁸ Тем самым С.Н.Валк отошел от точки зрения, высказанной им в 1920 г. На наш взгляд, таким образом ученый хотел оградить школу своего учителя от репрессий. Это стремление С.Н.Валка выразилось также в том, что во время «Академического дела», по которому как один из главных обвиняемых проходил С.Ф.Платонов, С.Н.Валк противопоставлял школу С.Ф.Платонова школе А.С.Лаппо-Данилевского. По его словам, научный метод А.С.Лаппо-Данилевского сильно отличался от «художественного» подхода С.Ф.Платонова и не получил «четкой классово-установки», а потому ученики А.С.Лаппо-Данилевского могут полноценно войти в марксистскую историографию. А.А.Введенский, положение которого было, по-видимому, более уязвимым, занял иную позицию и признал «пассивное блокирование» «лаппо-данилевцев» со школой С.Ф.Платонова. ²⁰⁹ С.Н.Валку резко возражали С.Г.Томсинский и М.М.Цвибак. С.Г.Томсинский утверждал, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» носили «великодержавный дворянско-буржуазный характер», ²¹⁰ а М.М.Цвибак заявил, что «технические и методологические приемы Лаппо-Данилевского были всегда определенным образом увязаны с его философией», и указал на несомненную связь методологии истории с дипломатикой частного акта А.С.Лаппо-Данилевского. ²¹¹ М.М.Цвибак завершил свое выступление словами: «<...> поскребите Лаппо-Данилевского — получите Пуришкевича». ²¹²

Возможно, что позиция официальной историографии, сформулированная М.М.Цвибаком, способствовала тому, что имя и наследие А.С.Лаппо-Данилевского в первой половине 1930-х гг. попали под негласный запрет в научной литературе. Обсуждать проблемы теории истории в условиях политического режима того времени было небезопасно, кроме того, крайне жесткий догматический подход к теории исторического знания и не требовал по своей сути опровержения других точек зрения. Неслучайно с начала 1930-х и до второй половины 1960-х гг. в СССР просто не выходило обобщающих трудов по методологии истории. ²¹³ По существу, в условиях постоянного политического давления сама легитимность дисциплины оказалась под вопросом. Б.А.Романову, ученику А.Е.Преснякова и

историку старой школы, приписывают слова, сказанные в той историографической ситуации: «Заниматься методологией — то же, что доить козла». ²¹⁴

В середине 1930-х гг. отношение к наследию дореволюционной историографии со стороны власти меняется. С 1934 г. (после постановления ЦК ВКП(б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР ²¹⁵) началась перестройка всей системы отечественной исторической науки. Ее глубинными причинами были изменения в идеологии советского тоталитаризма, которая все большее значение уделяла роли государства и нации в функционировании политического режима. Произошел отказ от интернационалистской интерпретации марксистской теории истории, сопровождаемый разгромом школы М.Н.Покровского. ²¹⁶ Новая политика по отношению к исторической науке нашла отражение в пересмотре учебных программ средней школы, восстановлении исторических факультетов университетов, привлечении к преподаванию представителей старой школы и т.д. Был сформирован новый официальный взгляд на национальную историю, нашедший свое воплощение в «Истории ВКП(б): Кратком курсе» и новых учебниках для средней школы. ²¹⁷ Началась частичная реабилитация дореволюционной науки, прежде всего «государственной школы». В частности, во второй половине 1930-х гг. переиздаются сочинения таких наиболее видных ее представителей, как С.Ф.Платонов ²¹⁸ и В.О.Ключевский. ²¹⁹ Н.Л.Рубинштейн в предисловии к новому изданию курса русской истории В.О.Ключевского (1937 г.) отмечал, что «освоение исторического наследия прошлого — один из основных элементов в деле» выполнения указаний партии и «развития марксистско-ленинской исторической науки». ²²⁰ Проходила и «реабилитация» исторического источниковедения. В предисловии к первому советскому учебнику источниковедения для вузов М.Н.Тихомиров подчеркнул, что для «ликвидации вредных последствий деятельности» школы М.Н.Покровского «необходимо систематическое и углубленное изучение исторических источников». ²²¹ М.Н.Тихомиров придерживался традиционной схемы классификации источников (на остатки и предания), вне зависимости от классового происхождения, развитой в трудах Э.Бернгейма, Ш.Ланглау и Ш.Сеньобоса, А.С.Лаппо-Данилевского и других «буржуазных» авторов. ²²²

Частичное изменение отношения к представителям дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. коснулось и А.С.Лаппо-Данилевского. В сборнике «Проблемы источниковедения» (1936 г.) ²²³ был помещен ряд материалов, связанных с творчеством ученого. В статье Г.Е.Кочина «Писцовые книги в буржуазной историографии» ²²⁴ методика работы А.С.Лаппо-Данилевского с писцовыми книгами была представлена как пример наиболее тонкого анализа этого источника, сделанного «буржуазным историком». Г.Е.Кочин связал внимание А.С.Лаппо-Данилевского к этому типу источников с переориентацией буржуазной историографии 1880–1890-х гг. на изучение экономического быта русского государства. По Г.Е.Кочину, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к этой проблематике как «патриот и националист», т.е. представитель нового

поколения государственной школы. Однако, по мнению Г.Е.Кочина, с «упадком» исторической науки в конце 1890-х – начале 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский отказался от изучения истории социально-экономического процесса и пришел к выводу о невозможности решения «общих вопросов» исторической науки. Отражением этой позиции, как считал Г.Е.Кочин, стала идиографическая методология исторического знания и внимание к таким «индивидуальным» источникам, как частные акты, разработка проблем дипломатики.²²⁵ Таким образом, Г.Е.Кочин, хронологически разделяя творчество А.С.Лаппо-Данилевского, вслед за М.М.Цвибаком указывал на методологическое единство его последнего (с конца 1890-х гг.) этапа.

В предисловии к «Правилам издания документов XVI–XVII вв.»²²⁶ их авторы (Б.Д.Греков, В.Г.Гейман, К.Н.Сербина, Н.С.Чаев, Р.Б.Мюллер) отметили, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» стали «до известной степени, основой и отправным пунктом в разработке» подготовленного ими руководства.²²⁷ В приложении к сборнику «Проблемы источниковедения» был также опубликован «Каталог частных актов Московского государства». В предисловии к «Каталогу...» отмечалось, что его составление было предпринято А.С.Лаппо-Данилевским и проходило в его семинариях.²²⁸

Своеобразным итогом частичной реабилитации государственной школы и дореволюционной исторической науки во второй половине 1930-х гг. стала книга Н.Л.Рубинштейна «Русская историография» (1941 г.). Немало места в монографии уделено историкам рубежа веков, в том числе и А.С.Лаппо-Данилевскому. Отмечая, что он среди историков своего времени «выделялся своей эрудицией и тематическим охватом своих работ»,²²⁹ Н.Л.Рубинштейн характеризовал его «Методологию истории» как философско-религиозную концепцию в духе шеллингианства. Не вдаваясь в детальную оценку теоретических воззрений А.С.Лаппо-Данилевского, Н.Л.Рубинштейн считал их ярким проявлением кризиса буржуазной историографии.²³⁰ В то же время историограф дал высокую оценку конкретно-историческим трудам А.С.Лаппо-Данилевского и его работам по дипломатике частного акта, которые рассматривал в отрыве от теоретических взглядов ученого, следуя, таким образом, в оценке творчества А.С.Лаппо-Данилевского за С.Н.Валком.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. более позитивным стало отношение к наследию А.С.Лаппо-Данилевского и в высшей школе. Так, ученики А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Шилов и А.И.Андреев, преподававшие в Москве в Историко-архивном институте (МГИИ), читали курсы по археографии²³¹ и источниковедению «по А.С.Лаппо-Данилевскому».²³² Под несомненным влиянием методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского составлен курс источниковедения другого преподавателя этого института и в недалеком будущем ожесточенного критика А.С.Лаппо-Данилевского – Л.В.Черепнина (1946).²³³ Показательно, что в июне 1943 г. на конференции историков-архивистов СССР, приуроченной к 25-летию советского архивного дела, в ряде докладов настойчиво проводилась мысль о преемственности в развитии архивного дела от дореволюцион-

ных историков к советским. В докладах И.И.Никитского и К.Г.Митяева особо подчеркивалась роль А.С.Лаппо-Данилевского в организации архивного дела и разработке архивной теории.²³⁴ В феврале 1944 г. в МГИИ готовилось заседание памяти А.С.Лаппо-Данилевского (в связи с 25-летием со дня кончины), отмененное в последний момент, по словам А.И.Андреева, «из-за боязни заведу[ющего] учеб[ной] частью... института А.И.Гуковского “как бы чего не вышло”»²³⁵ и «происков» непримиримых оппонентов А.И.Андреева – И.Л.Маяковского и В.В.Маскакова, отправивших жалобу в Главное архивное управление.²³⁶

В 1945 г. вышли в свет «Очерки по истории Академии наук», приуроченные к ее 220-летию юбилею. Примечательно, что в «Очерках...» дается блестящая характеристика А.С.Лаппо-Данилевского как организатора академической науки и подчеркивается, что он сумел «сгруппировать вокруг себя многочисленных учеников и последователей».²³⁷

Большое внимание изучению деятельности А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк уделил в статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» (1948 г.).²³⁸ Основные наблюдения автора связаны с процессом становления петербургской исторической школы, важным итогом которого стала деятельность А.Е.Преснякова, давшего ей историографическое определение (как школы «восстановления прав источника и факта вне зависимости от историографической традиции») и связавшего ее создание с именами В.Г.Васильевского и С.Ф.Платонова. В целом, соглашаясь с А.Е.Пресняковым, С.Н.Валк заметил, что «все предшествующее наше изложение, как кажется, должно послужить к некоторому расширению представлений об истоках и началах петербургской исторической школы “научного реализма”, в составе которой В.Г.Васильевский является представителем уже среднего поколения». К следующему поколению автор относил как С.Ф.Платонова, так и А.С.Лаппо-Данилевского.²³⁹ Таким образом, С.Н.Валк в определенной мере пересмотрел свою точку зрения 1931 г., указав на принадлежность С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского к одной исторической школе. Явно полемизируя с А.Е.Пресняковым, С.Н.Валк выразил мнение, что А.С.Лаппо-Данилевский оказал влияние не только на своих учеников, но и на «сложение умонастроения основных петербургских исторических кадров».²⁴⁰ В то же время С.Н.Валк вслед за А.Е.Пресняковым подчеркнул, что А.С.Лаппо-Данилевский «рано разошелся с остальными членами» Кружка русских историков и занял на историко-филологическом факультете «особое положение».²⁴¹ В статье С.Н.Валк, по-видимому, умышленно связал имя своего учителя с одним из лидеров советской исторической науки Б.Д.Грековым, сославшись на то, что в работе 1919 г. этот ученый причислял себя к ученикам А.С.Лаппо-Данилевского.²⁴²

Развитие советской исторической науки в области дипломатики и археографии связывал с наследием А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк в другой своей работе этого периода – в книге «Советская археография» (1948 г.). Автор пришел к выводу, что «Правила издания грамот Коллегии экономии» А.С.Лаппо-Данилевского «далеко превосходили все западноевропейские правила издания документов».²⁴³ С.Н.Валк отметил, что этот труд А.С.Лаппо-Данилевского стал «несомненным образцом для всех

последующих наших работ по составлению правил издания документов». ²⁴⁴ Примечательно, что, анализируя в своей книге работы А.С.Лаппо-Данилевского по археографии и дипломатике, С.Н.Валк ни словом не упоминает о «Методологии истории».

Книга С.Н.Валка «Советская археография» и его статья по истории университетской науки были написаны под воздействием того кратковременного ощущения большей свободы, которое присутствовало в обществе и советской исторической науке после окончания Второй мировой войны. С началом в 1948 г. кампании по борьбе с космополитизмом и с наследием «буржуазной» историографии иллюзорность надежд на благоприятные для науки перемены стала очевидной.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. политический режим вернулся к политике «закручивания гаек», начался новый виток репрессий против интеллигенции. Одним из элементов гонений, обрушившихся на общество и науку, была кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и космополитизмом. Большой размах она приобрела в Ленинграде: было сфабриковано «Ленинградское дело», началось преследование журналов «Звезда» и «Ленинград», развернулась настоящая травля ученых-гуманитариев. Особый удар был нанесен ленинградским историкам старой школы (ученикам С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.А.Шахматова, М.Д.Приселкова) через политическую дискредитацию их учителей. ²⁴⁵ С разгромными статьями о творчестве А.А.Шахматова, М.Д.Приселкова и А.Е.Преснякова выступили В.Т.Пашуто, ²⁴⁶ И.У.Будовниц ²⁴⁷ и Л.В.Черепнин. ²⁴⁸ В этом контексте следует рассматривать и другую статью Л.В.Черепнина — «А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» (1949 г.). ²⁴⁹ В ней один из будущих лидеров официальной историографии потребовал от советских историков комплексного анализа творчества А.С.Лаппо-Данилевского, вслед за М.М.Цвибаком призвав к объединенному рассмотрению «Методологии истории» и других произведений ученого. ²⁵⁰ Анализ творческой деятельности А.С.Лаппо-Данилевского был проведен автором по очевидному политическому заказу с позиций марксистско-ленинской идеологии.

Л.В.Черепнин утверждал, что религиозно-мистическое воспитание А.С.Лаппо-Данилевского в университете переросло в формирование «историка-идеалиста реакционного типа», ²⁵¹ а это привело в конце концов его на «крайне правое место в лагере официальной буржуазной историографии». ²⁵² Согласно Л.В.Черепнину, заняв такие позиции, А.С.Лаппо-Данилевский разработал систему неокантианской методологии истории, которая отражала настроения буржуазии в годы «столыпинской реакции». ²⁵³ Л.В.Черепнин считал, что «Методология истории» напрямую связана с трудами А.С.Лаппо-Данилевского по дипломатике частного акта, а также с его конкретно-историческими работами. По мнению Л.В.Черепнина, «ошибочные» установки «Методологии истории» (второго выпуска — «Методологии источниковедения») даже усиливаются в «Очерке русской дипломатики частных актов», где А.С.Лаппо-Данилевский «сделал попытку применить свои теоретические взгляды к разработке проблем

актового источниковедения». ²⁵⁴ Это выразилось в неокантианской гносеологии А.С.Лаппо-Данилевского, рассматривавшего источники (в том числе частные акты) как источники и как явления. ²⁵⁵

С иных позиций Л.В.Черепнин установил связь между методологической доктриной А.С.Лаппо-Данилевского и его конкретно-историческими трудами, большинство которых было создано до ее формулирования в «Методологии истории». Историограф пытался показать генезис теоретических воззрений А.С.Лаппо-Данилевского, отразившийся в его конкретно-исторических трудах и нашедший свое завершение в «Методологии истории». ²⁵⁶ Так, в «Организации прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» и в выступлении А.С.Лаппо-Данилевского на магистерском диспуте ²⁵⁷ Л.В.Черепнин выявил несколько теоретических положений, нашедших развитие в его позднейшей теории истории: деление направлений исторической мысли на обобщающее и индивидуализирующее, развитие России как «национального типа», концепция исторического процесса как процесса развития идей, теоретические предпосылки исследования писцовых книг как «источника» и как «явления». ²⁵⁸ Используя историографические наблюдения А.Е.Преснякова об общей схеме русской истории А.С.Лаппо-Данилевского, Л.В.Черепнин, с одной стороны, связал эту схему с теоретико-историческими взглядами А.С.Лаппо-Данилевского, ²⁵⁹ с другой, пытался показать, как эта схема находила воплощение в его конкретно-исторических трудах. ²⁶⁰ По мнению Л.В.Черепнина, «все работы Лаппо-Данилевского ведут к основной проблеме, поставленной в плане буржуазной методологии: о путях развития России как национального типа», ²⁶¹ этому соответствует «общая государственная концепция русской истории», согласно которой «исторический процесс в представлении А.С.Лаппо-Данилевского протекает не в форме борьбы классов, а в форме взаимодействия надклассового государства и бесклассового общества». ²⁶²

В статье Л.В.Черепнина содержатся обвинения А.С.Лаппо-Данилевского в политической ангажированности и в «буржуазном космополитизме», идеологическая критика предшествующих исследователей творчества А.С.Лаппо-Данилевского (И.М.Гревса, А.Е.Преснякова, М.Н.Покровского, Н.Л.Рубинштейна, С.Н.Валка) и его учеников (С.Н.Валка, А.И.Андреева и ошибочно или умышленно причисленного к ним Б.А.Романова). ²⁶³

На наш взгляд, Л.В.Черепнин, по сути, приспособил построения и выводы предшествующих авторов (прежде всего А.Е.Преснякова) к задачам, вызванным идеологической и политической конъюнктурой. Можно заключить, что позитивистская критика методологических оснований творчества А.С.Лаппо-Данилевского получила в изложении Л.В.Черепнина марксистско-ленинскую интерпретацию. С этой точки зрения, автор не внес в свой синтез принципиально нового содержания. Безусловно, при оценке статьи Л.В.Черепнина следует учитывать и то обстоятельство, что сам автор находился под сильным давлением со стороны партийных и карательных органов. В ходе кампании, развернутой в МГИАИ, где Л.В.Черепнин был профессором, против «буржуазной ис-

ториографии», он и сам оказался под «судом чести», будучи вынужденным оправдываться за свои идеологические «ошибки» и доказывать свою политическую лояльность перед усердствующими обвинителями (В.И.Самойловой, А.Д.Никоновым, Е.Н.Даниловой, Н.А.Елистратовым, Н.Н.Яковлевым и др.).²⁶⁴ Другое дело, что линия поведения Л.В.Черепнина все же разительно отличалась от позиции А.И.Андреева, оказавшегося в схожей ситуации и заявившего, что ошибки свои постарается исправить, но от «частной приверженности» к А.С.Лаппо-Данилевскому ему отказаться трудно — «все-таки он был моим учителем».²⁶⁵

Статья Л.В.Черепнина носила характер официального приговора творчеству А.С.Лаппо-Данилевского. Он предопределил оценки творчества А.С.Лаппо-Данилевского, которые давались в литературе общего характера (учебных пособиях, энциклопедиях). Показательно, что, когда в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Академией наук был осуществлен после длительного перерыва ряд научно-критических изданий актового материала по правилам, близким к «Правилам издания сборника Коллегии экономии»,²⁶⁶ в них ни словом не было упомянуто о следовании археографическим принципам А.С.Лаппо-Данилевского. Единственное упоминание, в большей степени критическое, его имени и «Грамот Коллегии экономии» было сделано в редакционном предисловии к первому тому «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Признавая ценность материала, введенного в научный оборот изданием «Грамот Коллегии экономии», редактор считал ошибочным «сам принцип, положенный в [его] основу», поскольку не видел смысла в издании случайного фонда.²⁶⁷

В другом фундаментальном многотомном труде, подготовленном Академией наук в 1950-е гг., — «Очерках истории СССР» (1953—1957 гг.) — широко используются труды «буржуазных ученых», в том числе и А.С.Лаппо-Данилевского,²⁶⁸ однако при этом авторы либо вообще воздерживаются от их характеристики, либо оценивают их критически с позиций марксистской догматики.

Резко негативное отношение к археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского проявилось и в «Хрестоматии по археографии», изданной МГИАИ в 1955 г.²⁶⁹ Автор введения к «Хрестоматии...» Е.М.Тальман подвергла резкой критике «Правила издания сборника Коллегии экономии», отметив, что они «страдают формализмом и обходят молчанием важнейшие вопросы научно-критического издания документов, ни в какой степени не отвечают задачам советской археографии» и потому «не были включены в настоящую хрестоматию».²⁷⁰ Аналогичная оценка «Правил...» прозвучала и в книге П.Г.Софинова «Из истории дореволюционной археографии» (1957 г.).²⁷¹

Таким образом, в 1920—1940-е гг. в исторической литературе возникли две основные тенденции в подходе к творчеству историка. Первую можно назвать «тенденцией С.Н.Валка», которая была связана со стремлением отграничить «идеалистическую» теорию истории А.С.Лаппо-Данилевского от других его работ и тем самым отвести место наследию ученого в советской исторической науке. Вторую тенденцию можно назвать «тен-

денцией М.М.Цвибака — Л.В.Черепнина». Она была связана со стремлением к комплексному историографическому анализу работ ученого и реконструкции системы его научно-методологических взглядов. В условиях господства в науке догматического марксизма такой подход неизбежно приводил к отрицательной оценке всего творчества А.С.Лаппо-Данилевского.

Именно «приговор» Л.В.Черепнина (1949 г.) был главной причиной того, что историографы не решались вернуться к анализу творчества историка вплоть до конца 1950-х гг.²⁷²

Период «оттепели» благоприятно повлиял на историческую науку, создал условия для возвращения исследователей к рассмотрению творчества А.С.Лаппо-Данилевского. В то же время следует учитывать, что жесткая регламентация исследовательской деятельности со стороны государства по-прежнему не давала возможности для комплексного анализа «буржуазного» историографического наследия. Лишь очень постепенно на протяжении 1950—1980-х гг. советские историки расширяли границы «санкционированной свободы».²⁷³ На примере изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского этот процесс проявился довольно ярко.

В 1958 г. в очерке, посвященном археографической деятельности Б.Д.Грекова,²⁷⁴ С.Н.Валк вновь использовал имя одного из официально признанных лидеров советской науки для реабилитации своего учителя. По мнению С.Н.Валка, именно семинар А.С.Лаппо-Данилевского, посвященный вопросам дипломатики, «подвел Б.Д.Грекова непосредственно к занятиям в области вспомогательных исторических дисциплин».²⁷⁵ Как и в статье «Историческая наука в Ленинградском университете...» (1948 г.), С.Н.Валк сослался на одну из ранних работ Б.Д.Грекова (его магистерскую диссертацию, 1914 г.²⁷⁶), в которой автор подчеркивал влияние на него ученичества у А.С.Лаппо-Данилевского.²⁷⁷

Упоминание С.Н.Валком имени А.С.Лаппо-Данилевского в положительном контексте заслуживает внимания, прежде всего потому, что до начала 1960-х гг. в советской научной литературе господствовало крайне негативное, полностью идеологизированное отношение к творчеству ученого. В вышедших в свет уже в 1960—1961 гг. учебниках по истории археографии М.С.Селезнева,²⁷⁸ по источниковедению В.И.Стрельского²⁷⁹ и по историографии под редакцией В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева (в изложении И.К.Додонова),²⁸⁰ по существу, были повторены оценки творчества А.С.Лаппо-Данилевского, данные Л.В.Черепниным. Так, в последнем пособии содержался, в частности, следующий характерный пассаж: «На примере произведений А.С.Лаппо-Данилевского наиболее ярко выступает разительное противоречие между ростом документальной базы русской истории и убожеством научного подхода в истолковании документов. Это одно из ярких выражений глубокого идейного кризиса русской буржуазной историографии конца XIX и XX веков».²⁸¹

Более взвешенную позицию по отношению к наследию А.С.Лаппо-Данилевского занял А.А.Зимин. В работе «Методика издания древнерусских актов» (1959 г.) он охарактеризовал «Правила издания сборника гра-

мот Коллегии экономии» как «лучший сборник правил издания актовых материалов прошлого». Вслед за С.Н.Валком А.А.Зимин подчеркнул, что «тщательная разработка правил передачи текста документа, составления заголовков и легенд, а также указателей выгодно отличает эти «Правила» от более ранних опытов» и что «Правила...» были в дальнейшем широко использованы советскими археографами. В то же время А.А.Зимин посчитал необходимым указать на неверные «методологические посылки» «Правил...», связанные с «формально-юридическим подходом к изданию актов их редактора А.С.Лаппо-Данилевского». Пофондовый принцип издания актов казался А.А.Зимину (вслед за Л.В.Черепниным) неверным, а принцип передачи текста грамот, предложенный А.С.Лаппо-Данилевским, «крайне сложным»; упрекал автор А.С.Лаппо-Данилевского и за отсутствие «классовой характеристики» лиц, участвовавших в той или иной сделке.²⁸²

В 1962 году вышла книга А.Л.Шапиро «Русская историография в период империализма».²⁸³ Автор отнес А.С.Лаппо-Данилевского к поборникам риккертства, чьи принципы отбора исторического материала по отношению к данной ценности А.Л.Шапиро называл «глубоко антинаучными».²⁸⁴ Автор рассмотрел систему дипломатики частного акта, разработанную А.С.Лаппо-Данилевским, и пришел к выводу, «что формализм резко снижает значение источниковедческой методологии А.С.Лаппо-Данилевского». Работам А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики А.Л.Шапиро противопоставил труды его учеников А.А.Шилова и С.Н.Валка, которые «дали хороший результат потому, что изменение формуляров грамот они уже начинали связывать с изменением общественных условий».²⁸⁵ Таким образом, А.Л.Шапиро в основных своих положениях критики творчества А.С.Лаппо-Данилевского следовал за Л.В.Черепниным. В то же время появление в историографии новой, значительной по объему характеристики А.С.Лаппо-Данилевского как «одного из наиболее разносторонних буржуазных историков»²⁸⁶ способствовало возвращению историографов к анализу его творчества.

С начала 1960-х гг. к изучению творчества А.С.Лаппо-Данилевского в области источниковедения обратился С.М.Каштанов. Первоначально он также в целом следовал «линии Л.В.Черепнина», будучи автором раздела «Источниковедение» во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» (1960 г.).²⁸⁷ Однако уже в 1962 г. С.М.Каштанов существенно скорректировал позицию, выступив совместно с А.А.Курновым с протестом против «односторонней оценки таких крупных буржуазных источниковедов, как А.А.Шахматов и А.С.Лаппо-Данилевский», данной в упомянутом учебнике В.И.Стрельского.²⁸⁸ На это сразу же последовала реакция Л.В.Черепнина, который повторил тезис о том, что вся «Методология истории» «проникнута единой теорией неокантианства, для нас неприемлемой».²⁸⁹ С тех же позиций охарактеризовала «Методологию истории» и С.И.Якубовская, подчеркнув, что «эта книга, основанная на идеалистической концепции, отражала кризис буржуазной историографии».²⁹⁰

Двойственную позицию по отношению к наследию А.С.Лаппо-Данилевского занял Д.С.Лихачев. В вышедшей в свет в 1962 г. «Текстологии»

автор цитирует А.С.Лаппо-Данилевского, когда речь идет об истории методологии критики текста. Однако в изложении Д.С.Лихачева, А.С.Лаппо-Данилевский принадлежал к тому поколению текстологов, «которые вели исследование в крайне недостаточных формах», ставя перед собой лишь задачу «восстановления первоначального чтения того или иного места», в то время как задачи современной текстологии заключаются в том, чтобы «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования».²⁹¹ В 1963 г. ученик А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Введенский издал «Лекции по документальному источниковедению в СССР»,²⁹² в которых также занял осторожную позицию по отношению к научному наследию учителя. Автор отметил, что «наивысшего развития русская буржуазная дипломатика получила в работах акад. А.С.Лаппо-Данилевского». Автор считал, что исследования А.С.Лаппо-Данилевского по дипломатике «выполнены с буржуазно-идеалистических, неокантианских позиций, но содержат много фактического актоведческого материала и при критическом подходе и полном отбрасывании неокантианских его тенденций в некоторой степени могут быть полезны для советской дипломатики».²⁹³ Одновременно А.А.Введенский солидаризировался с критикой системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, данной Л.В.Черепниным.²⁹⁴

В 1963 г. в «Очерках истории исторической науки в СССР» (III том)²⁹⁵ А.С.Лаппо-Данилевский, с одной стороны, оценивался как яркий противник марксизма и «воинствующий идеалист»,²⁹⁶ с другой стороны, была отмечена заслуга А.С.Лаппо-Данилевского как организатора новой школы дипломатики частных актов.²⁹⁷ Таким образом, «Очерки...» возродили традицию раздельной оценки разных аспектов творчества А.С.Лаппо-Данилевского, начатую С.Н.Валком. В «Очерках...» было пересмотрено и негативное отношение к конкретно-историческим трудам А.С.Лаппо-Данилевского. При этом особенно высокую оценку получила «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований».²⁹⁸ «Очерк русской дипломатики частных актов» назван автором раздела «Дипломатика» С.М.Каштановым более существенным для развития источниковедения, чем соответствующий раздел «Методологии истории», так как в «Очерке русской дипломатики...» источник анализируется по существу.²⁹⁹ Примечательно, что в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ) тот же С.М.Каштанов в статье «Дипломатика» (1964 г.) отметил в качестве заслуги А.С.Лаппо-Данилевского как раз то, что он «применял в дипломатике категории общего источниковедения».³⁰⁰ По-видимому, жанр энциклопедической статьи позволил автору не касаться вопроса об «идеалистичности» «общего источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского.

«Новый взгляд» на творчество А.С.Лаппо-Данилевского, сочетающий резкую критику теоретических воззрений ученого с признанием ценности его работ в области специальных исторических дисциплин и конкретно-исторических исследований, нашел отражение и в других статьях СИЭ. В частности, это выразилось в общем тоне статьи об А.С.Лаппо-Дани-

левском, помещенной В.И.Бугановым в СИЭ (1965 г.).³⁰¹ Близкие по характеру суждения содержатся и в статье «Источниковедение». Ее авторы, И.А.Булыгин и Л.Н.Пушкарев, в частности, отмечали, что «кризис буржуазной исторической мысли в период империализма остро сказался на источниковедении». Тем не менее «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского приводится как пример одного из первых обобщающих трудов в области источниковедения, пусть и построенного на «идеалистической основе». Авторы статьи приходят к выводу, что «основным достижением русского буржуазного источниковедения было создание крупных работ в области конкретного источниковедения и разработка отдельных приемов и способов источниковедческого анализа и критики источников».³⁰²

В 1964 г. суждения о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, аналогичные данным в «Очерках истории исторической науки в СССР», были повторены А.В.Кольцовым в другом фундаментальном коллективном труде по истории науки — «Истории Академии наук СССР».³⁰³ В этом издании заслуживает внимания ряд указаний на участие А.С.Лаппо-Данилевского в различных сферах жизни Академии.

К середине 1960-х гг. либерализация исторической науки дошла и до проблем теории и методологии истории. Знаковым фактом стало совещание секции общественных наук Президиума АН СССР, проходившее в январе 1964 г. В докладе П.Н.Федосеева и Ю.П.Францева ставилась задача преодоления догматического подхода к теории истории, который связывался с культом личности И.В.Сталина. М.Я.Гелфтер обосновывал различие между «историческим материализмом и собственно методологией истории» с ее «специфическим» материалом. В выступлениях А.В.Гулыги и М.Б.Храпченко подчеркивалось значение категории «ценности» в историческом исследовании.³⁰⁴ Итогом заседания стало принятие постановления Президиума АН СССР (секция общественных наук) «О разработке методологических вопросов истории», в котором предлагалось усилить разработку вопросов теории и методологии истории.³⁰⁵ Методологии истории как научной дисциплине была возвращена легитимность. В 1964 г. был создан сектор методологии Института истории АН СССР,³⁰⁶ с конца 1960-х гг. стали выходить первые обобщающие труды по марксистской методологии истории,³⁰⁷ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. вышел в свет целый ряд сборников статей по проблемам методологии и теории истории, в которых рассматривались различные, в том числе дискуссионные, вопросы.³⁰⁸ Примечательно, что сам по себе факт дискуссий по проблемам исторической методологии после десятилетий «теоретической немоты» прямо связывался их участниками с установками XX съезда КПСС и осознанием «отставания теории истории от конкретного исследования».³⁰⁹ Участник одной из методологических дискуссий тех лет, В.С.Городецкий, прямо признался, что он «ровно пятьдесят лет тому назад в последний раз работал в семинаре по методологии истории академика Лаппо-Данилевского» и с тех пор к этим вопросам не возвращался.³¹⁰ Признание того факта, что единую марксистскую теорию истории еще предстоит создать,³¹¹ по существу означало отказ от прежнего мето-

дологического догматизма эпохи «Краткого курса».³¹² Вообще теоретические споры, которые вели советские философы и методологи (Б.Ф.Поршневу, А.И.Ракитову, К.Д.Петряеву, Л.А.Журавлеву, А.В.Гулыге и др.) в конце 1960-х — 1980-е гг. по поводу различных элементов марксистской системы исторического знания (теория, методология, методика), создавали более благоприятный фон для интерпретации взглядов представителей «немарксистской историографии». Появилась возможность для постепенного смягчения позиции советских философов и историков по отношению к теоретическому наследию дореволюционной науки, в частности к историко-методологическим работам А.С.Лаппо-Данилевского. В оценке дискуссий 1960-х — начала 1970-х гг. можно согласиться с А.Я.Гуревичем, который заявил, что «их освобождающее и стимулирующее воздействие на интеллектуальную жизнь было огромно: многое из догматизма сталинской эпохи было отброшено или пересмотрено».³¹³ В то же время следует подчеркнуть, что процесс переосмысления теоретических идей «буржуазных историков» был долгим и трудным и встречал многочисленные препятствия.

В 1966 г. к анализу теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского впервые обратилась О.М.Медушевская. В это время, вслед за Л.В.Черепниным и А.Л.Шапиро, исследовательница придерживалась марксистско-ленинской традиции системного взгляда на творчество А.С.Лаппо-Данилевского и, как следствие, крайне негативного к нему отношения. Оценивая «методологию источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского, О.М.Медушевская считала, что в этой работе «источники берутся вне связи с общественными условиями, которыми они вызваны к жизни, без учета авторства и происхождения».³¹⁴

В 1968 г. С.Н.Валк вновь обратил внимание на значение работ А.С.Лаппо-Данилевского в области техники исторического исследования. Работа по составлению каталога частных актов представлена С.Н.Валком как важный этап выработки исторической наукой правил составления регест.³¹⁵ В статье «Археографическая легенда» (1971 г.)³¹⁶ С.Н.Валк подчеркнул значение «Правил издания грамот Коллегии экономии» и работ учеников А.С.Лаппо-Данилевского в развитии отечественной археографии.³¹⁷

В монографии «Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.)» (1968 г.)³¹⁸ Г.Д.Алексеева подвергла анализу политические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского. Автор отнес А.С.Лаппо-Данилевского к «реакционному», «буржуазно-кадетскому» течению в исторической науке вместе с С.Ф.Платоновым, А.А.Кизеветтером, М.К.Любавским, Р.Ю.Виппером и М.М.Богословским.³¹⁹ Примечательно, что, наряду с резкой критикой политических и философско-теоретических взглядов ученого,³²⁰ Г.Д.Алексеева вслед за С.Н.Валком резко отграничила его «успешные» работы в области «вспомогательных исторических дисциплин» от «Методологии истории».³²¹ Относительно же «Методологии истории» автор высказался даже более резко, нежели Л.В.Черепнин, заявив, что теоретическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского была «направлена на защиту религии, империалистических войн,

колониальной политики и политической реакции, на всемерное оправдание врагов демократии и революции».³²²

В 1969 г. в сборнике «Источниковедение: Теоретические и методические проблемы» было помещено несколько статей, затрагивавших методологические аспекты творчества А.С.Лаппо-Данилевского, прежде всего его методологию дипломатики частного акта. Статьи С.О.Шмидта³²³ и Б.Г.Литвака³²⁴ В.М.Панеях отнес к традиции конструктивной критики системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, начатой С.Н.Валком.³²⁵ Авторы этих статей отделяли дипломатику частного акта от «идеалистической чепухи» (методологии источниковедения).³²⁶ К этому направлению следует отнести и статью С.М.Каштанова «Предмет, задачи и методы дипломатики», помещенную в том же сборнике.³²⁷

В последующих трудах³²⁸ С.М.Каштанов развил идеи относительно системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, продолжая рассматривать ее обособленно от основных положений «Методологии истории». Наиболее обстоятельно свою позицию С.М.Каштанов изложил в написанном им учебнике по дипломатике.³²⁹ Автор высказал серьезные критические замечания в адрес А.С.Лаппо-Данилевского: упреки в «делках с принципами юридической школы»,³³⁰ в недостаточной связи акта с общественными отношениями,³³¹ в «формальных приемах исследования»³³² и т.п. В то же время С.М.Каштанов не объяснил, что именно он отвергает в методологии А.С.Лаппо-Данилевского. Автор показал, как А.С.Лаппо-Данилевский сочетал принципы типизации и развития формуляра,³³³ отметил вспомогательную роль юридического метода в системе анализа актов А.С.Лаппо-Данилевского,³³⁴ положительно оценил базовый принцип изучения актов как источника и как явления³³⁵ и в целом схему источниковедческого исследования, предложенную А.С.Лаппо-Данилевским.³³⁶ Видимо, поэтому, заключая очерк о дипломатике А.С.Лаппо-Данилевского, С.М.Каштанов сделал своеобразное пояснение своей позиции: «Работы А.С.Лаппо-Данилевского и его школы, разумеется, не решили всех вопросов дипломатики конкретных разновидностей актов, хотя и внесли в нее существенный вклад. Остались без удовлетворительного ответа и некоторые общие вопросы дипломатики частных актов: проблема достоверности их содержания, метод исследования социальных причин создания актов и др. Теория публично-правового акта совсем выпала из сферы интересов школы А.С.Лаппо-Данилевского».³³⁷ Таким образом, это пояснение становится в некотором роде программным для трудов самого С.М.Каштанова, который развивал систему А.С.Лаппо-Данилевского в указанных областях.³³⁸

Начиная с 1969 г. с рядом трудов по истории буржуазной методологии истории выступил Л.Н.Хмылев. В его работах много внимания уделялось и методологическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского. В трудах Л.Н.Хмылева³³⁹ выделим два ценных момента: во-первых, самое подробное за весь советский период изложение содержания опубликованных типографским способом разделов «Методологии истории» и, во-вторых, наиболее четкое в историографии рассмотрение «Методологии истории» в контексте «кризиса буржуазной науки». В 1978 г. в монографии «Проб-

лемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века» Л.Н.Хмылев в отдельной главе изложил теорию А.С.Лаппо-Данилевского о построении исторического знания с номотетической, идиографической точек зрения, а в другой главе привел основные положения теории источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Хотя это изложение прерывается критическими замечаниями, сделанными с марксистско-ленинских позиций, автор фактически согласился с рядом идей методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Критические замечания Л.Н.Хмылева относительно «Теории исторического знания» вобрали в себя мысли как дореволюционных авторов, прежде всего Н.Д.Кондратьева, о неосновательности базового принципа «абсолютных ценностей», так и замечания М.Н.Покровского и Л.В.Черепнина о непонимании и противостоянии марксизму со стороны автора «Методологии истории». В своих кандидатской и докторской диссертациях Л.Н.Хмылев обстоятельно рассмотрел методологические аспекты кризиса русской исторической науки и, в соответствии с определенными им фазами кризиса, творчество А.С.Лаппо-Данилевского. Л.Н.Хмылев выделяет следующие этапы кризиса буржуазной историографии: 1) 90-е гг. XIX века — формирование программы теоретического перевооружения науки; 2) начало 1900-х гг. — историзм распространяется на область гносеологии, результатом чего становится создание релятивистской теории исторического познания; 3) 1907—1917 гг. — методология истории приобрела статус специальной научной дисциплины, а историзм распространился на все ее области — гносеологию, логику, теорию исторического процесса.³⁴⁰ С этим последним этапом кризиса дореволюционной исторической науки автор связывал и создание «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского.

В обобщающем коллективном труде «История Ленинградского университета» (1969 г.),³⁴¹ по существу, кратко сформулирована та «либеральная» позиция по отношению к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского, которая к концу 1960-х гг. уже прочно закрепилась в историографии. Автор соответствующего раздела «Истории...» Н.Г.Сладкевич отнес А.С.Лаппо-Данилевского к числу «ведущих ученых в области исторических дисциплин», подчеркнул его роль как создателя «блестящей исследовательской школы по овладению приемами источниковедческого анализа» и руководителя занятий по дипломатике частных актов. Одновременно Н.Г.Сладкевич указал на «печать неокантианства», лежащую на работах А.С.Лаппо-Данилевского, и враждебность его методологических позиций по отношению к марксизму.³⁴²

С начала 1970-х гг. изучение не упоминавшегося ранее в исторической литературе историографического наследия ученого начала Р.А.Киреева.³⁴³ В ее работах накоплен ценный материал, используя который, автор старался показать связь эволюции историографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского с изменением его историко-теоретических воззрений. Автор, в частности, пришел к выводу о том, что начало 1900-х гг. являлось «вершиной историографической эволюции А.С.Лаппо-Данилевского»,³⁴⁴ поскольку далее А.С.Лаппо-Данилевский перешел в своих ис-

ториографических работах к сомнительной, с точки зрения историка-марксиста, систематизации историографии по форме и методам познания.³⁴⁵

С начала 1970-х гг. усиливается интерес и к «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского. В 1973 г., впервые после работы Н.И.Кареева (1920 г.), в книге Г.М.Иванова приводится подробное изложение этого отдела «Методологии истории».³⁴⁶ Автор согласился с тем, что в основе «Методологии истории» лежал «неокантианский идеализм», но в то же время отметил, что из этого не следует, что «все положения А.С.Лаппо-Данилевского, касающиеся исторического источника, обязательно являются идеалистическими и в них не содержится ничего рационального».³⁴⁷

Непримиримый оппонент А.С.Лаппо-Данилевского Л.В.Черепнин в 1973 г. признал, что его критика в статье 1949 г. носила «односторонне негативный характер», и объяснил это как задачами науки того времени, так и «общим направлением, в котором иногда происходили научные дискуссии». В то же время Л.В.Черепнин настаивал на том, что проведенный им «критический пересмотр взглядов А.С.Лаппо-Данилевского имел позитивные результаты».³⁴⁸ Л.В.Черепнин обоснованно указал на причины разногласий в советском источниковедении: «<...> существуют два взгляда. Согласно одному из них, можно говорить о классовом характере исторической науки, но неправомерно это делать в отношении конкретно-исторических приемов... Согласно другому взгляду, исторические концепции и источниковедческие приемы нельзя рассматривать изолированно. Направление и характер источниковедческой работы, использования тех или иных методов зависит от идейных представлений, от мировоззрения историка».³⁴⁹ К сторонникам первого взгляда Л.В.Черепнин отнес своих оппонентов С.О.Шмидта и Б.Г.Литвака, которые положительно отозвались о «методике» исторического исследования А.С.Лаппо-Данилевского в упомянутом сборнике «Источниковедение» (1969 г.).³⁵⁰ Несомненно, эти замечания свидетельствуют о том, что к середине 1970-х гг. традиция системного отрицания творчества ученого утрачивала свои позиции. В этой связи интересен и отклик М.А.Варшавчика на полемику Л.В.Черепнина со С.О.Шмидтом и Б.Г.Литваком. В статье «О структуре исторической критики» М.А.Варшавчик подробно рассмотрел проблему соотношения «методологии» и «методики». В частности, автор отметил, что «проблема соотношения методологии и методики если не возникла в литературе, то во всяком случае приобрела остроту именно в связи с вопросом об отношении к источниковедческому наследию крупных буржуазных ученых — А.С.Лаппо-Данилевского, А.А.Шахматова и др. Возникла потребность объяснить, почему при явно ошибочных мировоззренческих — теоретических и методологических позициях эти ученые могли разработать методики, во многом сохраняющие свою ценность и воспринятые советскими источниковедами».³⁵¹ Автор попытался ответить на поставленный вопрос, учитывая зависимость «методики» от «методологии», т.е. формально с позиции Л.В.Черепнина. М.А.Варшавчик предложил весьма своеобразную, «казуистическую», трактовку творчества до-

революционных историков: «<...> мы воспринимаем от прошлых исследователей, хотя они и стояли на позициях не материалистического, а идеалистического понимания истории, те наблюдения, которые объективно отражают диалектику реального исторического процесса, которые, если можно так выразиться, объективно диалектичны».³⁵² Показательно, что в 1975 г. Л.Н.Пушкарев предпринял любопытную попытку связать источниковедческие достижения А.С.Лаппо-Данилевского с влиянием марксизма и тем самым создать теоретическое обоснование их признанию в советской науке.³⁵³

В то же время продолжали высказываться и традиционные для советской историографии точки зрения на отношении А.С.Лаппо-Данилевского к марксизму. Так, А.Т.Николаева предположила, что «Методология истории» была «своеобразным ответом» «врагов материализма, в том числе буржуазных историков» на труд В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».³⁵⁴ Исходя из того, что в основе методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского «лежит неокантианская философия в самой неприкрытой форме», А.Т.Николаева утверждала, что в теории А.С.Лаппо-Данилевского источник «оторван» от исторического контекста. Одновременно историограф отмечала, что «в своих конкретных исследованиях А.С.Лаппо-Данилевский отходил от своей теории». В качестве примера такого исследования А.Т.Николаева привела «Очерк русской дипломатики частных актов» и довольно подробно изложила основные положения этого труда.³⁵⁵

Двойственность в отношении к наследию А.С.Лаппо-Данилевского сказывалась и на том положении, которое имя ученого занимало в различных учебных пособиях для студентов исторических специальностей. Если в учебниках по источниковедению он прочно обрел статус «крупнейшего буржуазного источниковеда»,³⁵⁶ то в пособиях по историографии идеологический подтекст в оценке его творчества был более заметным. В пособии по историографии В.Е.Иллерицкого (1969 г.) имя А.С.Лаппо-Данилевского вообще не упоминается,³⁵⁷ а в учебнике по историографии А.М.Сахарова (1978 г.) А.С.Лаппо-Данилевский упоминается только в негативном контексте среди авторов работ по методологии истории в начале XX в., которые «отразили напряженные поиски выхода из обозначившегося теоретического “тупика”, стремление что-либо противопоставить марксизму с его учением о формациях».³⁵⁸ Еще более резкую оценку А.С.Лаппо-Данилевскому дают авторы различного рода дидактических работ по методологии истории. В то же время влияние некоторых логических схем А.С.Лаппо-Данилевского, связанных, например, с делением методологии истории на общую (теория истории) и специальную (методы исторического исследования) на труды по методологии советских философов и историков очевидно.³⁵⁹

В 1975 г. скончался ученик А.С.Лаппо-Данилевского и один из наиболее деятельных исследователей его творчества С.Н.Валк. В.Г.Чернуха, ученица и одна из первых исследователей творчества самого С.Н.Валка, отмечала: «Влияние Лаппо-Данилевского на Валка было огромно. Без учета этого Валк не может быть понят ни как ученый, ни как человек».³⁶⁰

С этим обстоятельством связано и то, что имя и наследие А.С.Лаппо-Данилевского не раз упоминалось в контексте рассмотрения творчества С.Н.Валка во второй половине 1970-х гг. в статьях, посвященных его памяти. В 1976 г. Я.С.Лурье высказал мнение, что «А.С.Лаппо-Данилевский – выдающийся источниковед, стремящийся сделать критику источников строго научной теоретической дисциплиной».³⁶¹ Тема влияния А.С.Лаппо-Данилевского на С.Н.Валка рассматривалась в нескольких докладах, сделанных в 1976 г. на заседании в Археографической комиссии.³⁶² С.О.Шмидт и С.В.Чирков особо отметили связь принципов научной работы А.С.Лаппо-Данилевского и С.Н.Валка в области источниковедения и археографии.³⁶³ В 1978 г. В.М.Панеях рассмотрел вопрос об отношении системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского к концепции дипломатики и истории древнерусского акта С.Н.Валка. В статье «Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка» автор показал отличие подхода к изучению актов со стороны А.С.Лаппо-Данилевского от подхода С.Н.Валка.³⁶⁴

Работы А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в области дипломатики стали предметом рассмотрения и в книге А.П.Пронштейна «Методика исторического исследования» (1971 г.).³⁶⁵ В этой работе автор следовал Л.В.Черепнину и утверждал, что «А.С.Лаппо-Данилевский и другие буржуазные ученые... считали правомерным проводить юридический анализ актов, независимо от реальных условий, в которых они возникли».³⁶⁶ Однако уже при переиздании своего труда в 1976 г. (под названием «Методика исторического источниковедения»³⁶⁷) А.П.Пронштейн в значительной степени пересмотрел свои взгляды относительно дипломатического метода А.С.Лаппо-Данилевского. Несмотря на прежнее критическое отношение к неокантианским методологическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского, автор пришел к выводу, что «в отличие от своих предшественников А.С.Лаппо-Данилевский тщательно изучал содержание каждой клаузулы и изменение сочетаний клаузул в зависимости от места и времени». Заслугу А.С.Лаппо-Данилевского А.П.Пронштейн видел в том, что он «показал, что каждый акт был не только свидетельством о факте, но и явлением, т.е. частью исторического процесса».³⁶⁸

В конце 1970-х гг. анализ творчества А.С.Лаппо-Данилевского продолжил и Б.Г.Литвак. Исследователь вновь постарался отделить «идеалистическую чепуху» от «прогрессивной дипломатики». В своей монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в.» (1979 г.) Б.Г.Литвак попытался доказать, что «методика А.С.Лаппо-Данилевского, впервые цельно изложенная в “Очерке русской дипломатики частных актов”... вовсе не была плодом его худосочного неокантианства, аккуратно усвоенного из немецкой литературы, а объективно отражала достижения русской научной мысли в области массовой документации XIX в.».³⁶⁹ В целях аргументации этого положения автор пытается показать «вторичность» А.С.Лаппо-Данилевского как в области дипломатики, так и статистического метода в источниковедении, указывая на ряд его предшественников, прежде всего Н.В.Варадинова,³⁷⁰ Д.П.Журавского,³⁷¹ А.А.Кауфмана³⁷² и Ю.Э.Янсона.³⁷³ Что касается дипломати-

ки, то от Н.В.Варадинова (чьи труды по истории и теории права появились еще в 1850–1880-е гг.), который членил формуляр современных ему нотариальных актов на части, то, по словам Б.Г.Литвака, от «него тянется невидимая нить к построениям А.С.Лаппо-Данилевского. Последний воспринял делопроизводственную практику XIX в. как опорную точку для своей “дипломатики частного акта”. Он же и гипертрофировал юридический подход, который уже у Варадинова обнаруживал свои слабые стороны».³⁷⁴ Рассматривая книгу Д.П.Журавского «Об источниках и употреблении статистических сведений» (1846 г.), Б.Г.Литвак пришел к выводу, что именно он являлся «пионером в источниковедении массовой документации»,³⁷⁵ с его «легкой руки» складывалась и методика ее изучения. Б.Г.Литвак усматривал ее генетическую связь с «методикой дипломатики в современном ее (дипломатики) понимании».³⁷⁶ В изложении Б.Г.Литвака носителями этой «генетической связи», воздействовавшей на А.С.Лаппо-Данилевского, прежде всего были А.А.Кауфман и Ю.Э.Янсон, чьи труды вышли раньше его «Очерка русской дипломатики частных актов» (1920 г.), первого – в 1915 г., а второго – в 1913 г. А.А.Кауфман применил статистические методы по отношению к анализу писцовых книг. Отмечая, что издание его исследования было поддержано как А.С.Лаппо-Данилевским, так и А.Е.Пресняковым, Б.Г.Литвак подчеркивает, что «в среде, в которой вращался Лаппо-Данилевский, обращение к статистическому методу в источниковедении было не только естественным, но и необходимым». Далее Б.Г.Литвак приводит определение предмета статистики и схемы метода массового статистического наблюдения, которое было дано Ю.Э.Янсоном (задолго до выхода в свет книги А.С.Лаппо-Данилевского): «1. Сложный объект разлагается на неделимые его составляющие и каждое неделимое на его простейшие признаки. 2. Самое наблюдение состоит исключительно в констатировании наличности того или другого признака в каждом из неделимых. 3. Полученные таким образом единичные показатели суммируются и полученные количества (сумма случаев в коих данный признак был налично) выражают искомые свойства или качества явления». Сравнивая методику А.С.Лаппо-Данилевского почему-то в формулировке С.М.Каштанова («клаузальный анализ», «составление графически-статистических таблиц») с процитированным определением Ю.Э.Янсона, Б.Г.Литвак восклицает: «Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, откуда идет методика А.С.Лаппо-Данилевского». Постепенно противоречивость изложения Б.Г.Литвака нарастает: «<...> я, конечно, далек от мысли о “плагиате” А.С.Лаппо-Данилевского или даже о прямом влиянии книги Янсона на него (такое вообще-то не исключается)», – но, таким образом, по мнению Б.Г.Литвака, можно показать генетическую связь дипломатики с методикой изучения массовой документации в традициях Д.П.Журавского.³⁷⁷

Общее позитивное изменение отношения к А.С.Лаппо-Данилевскому, которое происходило в исторической науке в 1960-е – первой половине 1970-х гг., способствовало началу работ по реконструкции научной биографии ученого. В 1976–1977 гг. основной архивный фонд А.С.Лаппо-

по-Данилевского был заново переработан и систематизирован Г.И.Греховой.³⁷⁸ Одновременно Г.И.Грехова подготовила обзорное эссе о наследии А.С.Лаппо-Данилевского.³⁷⁹ Наиболее ценные материалы об археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского были собраны С.Н.Валком в 1970-е гг. и ныне хранятся в его фонде.³⁸⁰ Путеводителем по этим материалам может быть статья А.И.Копанева, вышедшая в свет в 1978 г.³⁸¹ Интересно также сделанное в то же время замечание Л.С.Клейна о том, что методологические позиции А.С.Лаппо-Данилевского подвергались в трудах советских историков «чересчур категоричной, безоговорочной критике», поскольку А.С.Лаппо-Данилевский «был неокантианцем, последователем Риккерта».³⁸² Таким образом, в слегка завуалированной форме Л.С.Клейн указал на идеологическую подоплеку критики А.С.Лаппо-Данилевского в советской исторической науке.

А.С.Кан в книге «Историк Г.В.Форстен и наука его времени» (1979 г.) вернулся к тезису А.Е.Преснякова и С.Н.Валка о существовании противоречий в отношении А.С.Лаппо-Данилевского с Кружком русских историков во главе с С.Ф.Платоновым. А.С.Кан, приведя дополнительные свидетельства в пользу этого утверждения, первый в историографии указал на политический подтекст разногласий между А.С.Лаппо-Данилевским и кругом С.Ф.Платонова.³⁸³

С конца 1970-х гг. свое отношение к «Методологии источниковедения» пересмотрела О.М.Медушевская. В 1979 г. исследовательница отмечала: «<...> концепция методологии источниковедения... А.С.Лаппо-Данилевского в теоретико-познавательном отношении стала наиболее цельным и систематическим учением об источнике, которое когда-либо было создано на базе идеалистической философии истории».³⁸⁴ Замечания того же характера были повторены О.М.Медушевской в работе, посвященной зарубежному источниковедению, вышедшей в свет в первой половине 1980-х гг.³⁸⁵ Таким образом, «Методология источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевского жила как бы обособленной от «Методологии истории» жизнью, приобретая в теории источниковедения 1970–1980-х гг. в перечисленных работах Г.М.Иванова, Л.Н.Хмылева и О.М.Медушевской статус капитального труда.

В «Очерках развития буржуазной методологии и философии истории» (1979 г.) О.Л.Вайнштейн дал характеристику методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского. Он, в частности, отметил, что «для Лаппо-Данилевского, как и многих других буржуазных теоретиков, методология — это просто подходящая процедура исследования». С точки зрения О.Л.Вайнштейна, А.С.Лаппо-Данилевский смешивает методологию и методику, т.е. методы исторического мышления прилагаются у него к изучению исторического материала, т.е. источниковедению.³⁸⁶ Несмотря на то, что по своему характеру замечания О.Л.Вайнштейна примыкали к традиции Л.В.Черепнина, они интересны как раз утверждением того принципа, против которого Л.В.Черепнин решительно протестовал, а именно отделения методологии (связанной с методами мышления) от методики (связанной с характером материала). Именно признание допустимости такого подхода в советской философии истории и историографии в

1960–1970-е гг. и позволяло положительно характеризовать и оценивать методологические работы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные не с «методами исторического мышления», а с «историческим материалом».³⁸⁷

С конца 1970-х гг. выходили в свет исследования И.А.Голосенко, посвященные истории социологической мысли в России, в которых немалое место уделялось трудам А.С.Лаппо-Данилевского.³⁸⁸ В русском неокантианстве И.А.Голосенко выделил три направления: субъективно-нормативистская концепция П.И.Новгородцева и В.М.Хвостова; психологически-эмоциональный вариант неокантианства Л.И.Петражицкого; социальная гносеология А.С.Лаппо-Данилевского и Б.А.Кистяковского.³⁸⁹ Характерным упреком в работах И.А.Голосенко, адресованном русским неокантианцам, было обвинение в отрыве от действительности и подмене науки философской рефлексией над ее методологией.³⁹⁰

В начале 1980-х гг. появились исследования С.П.Рамазанова. Их следует поставить в один ряд с работами Л.Н.Хмылева. С.П.Рамазанов рассмотрел влияние неокантианской теории ценностей на русскую «буржуазную» историографию.³⁹¹ Анализируя понятие ценности в «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского, С.П.Рамазанов отметил принципиальное отличие позиции А.С.Лаппо-Данилевского от Г.Риккерта в том отношении, что «абсолютные ценности» в его интерпретации не являются чем-то независимым от человеческого сознания, и, по сути, приблизился к выводам А.Е.Преснякова об их методологической роли. С.П.Рамазанов, как и Л.Н.Хмылев, рассматривал теоретические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского в общем контексте неокантианской философской мысли. К трудам С.П.Рамазанова примыкают работы О.В.Синицына, появившиеся в первой половине 1980-х гг. В работах О.В.Синицына этого периода отстаивается тезис о ненаучности теорий русских неокантианцев, того, что «методологические поиски русских буржуазных историков вызваны не... столько задачами перевооружения... историографии, сколько задачами активного противостояния марксистской теории».³⁹² Следует отметить, что и большинство работ того времени, посвященных теории истории А.С.Лаппо-Данилевского, ориентировались прежде всего на критику неокантианского направления в русской историографии. Общим местом в рассуждениях о «Методологии истории» стало мнение, что она явилась «переложением трудов немецких неокантианцев Виндельбанда и Риккерта»,³⁹³ что по существу копировало оценки, высказанные еще Н.Д.Кондратьевым и Т.И.Райновым и затем повторенные А.Е.Пресняковым и Л.В.Черепниным.

Однако в то же время высказывались и другие точки зрения. Так, А.В.Гулыга, сторонник «ценностного подхода» в исторических исследованиях, в книге «Искусство истории» (1980 г.) подчеркивал отличие продуктивного подхода А.С.Лаппо-Данилевского от неокантианцев, поскольку последний «в отличие от неокантианцев, усматривавших в истории только идиографическую функцию... настаивает на том, что история решает также и номотетические задачи».³⁹⁴ Из трудов, вышедших в первой половине 1980-х гг. и посвященных рассмотрению проблем «Методологии истории», особый интерес представляет монография А.И.Ракитова «Историческое

познание» (1982 г.).³⁹⁵ В ней автор смело использует риккертские понятия «исторического интереса» и «ценности» в рамках марксистской системы философии истории. Такой подход, наряду с анализом построений современной ему западной методологии истории, позволил А.И.Ракитову не только рассмотреть систему методологии А.С.Лаппо-Данилевского в контексте истории историософской и методологической мысли, но и дать позитивную характеристику методам исторического построения (конструирования исторических фактов) А.С.Лаппо-Данилевского, хотя и с понятными оговорками марксистского толка.³⁹⁶ Знаковым стало включение отрывков из «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского в «Сборник материалов по истории исторической науки в СССР» (пособие для вузов), вышедший в свет в 1985 г.,³⁹⁷ хотя в предисловии к публикации и указывалось, что «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского «написана с неокантианских позиций и направлена против марксистской теории и методологии».³⁹⁸ В коллективном труде «Историческая наука: Вопросы методологии» (1986 г.) концепция исторического факта А.С.Лаппо-Данилевского вновь подверглась традиционной и отчасти уже казавшейся ритуальной критике за идеализм.³⁹⁹

В 1981 г. вышла в свет статья Л.В.Ивановой «К истории Союза российских архивных деятелей»,⁴⁰⁰ в которой впервые была дана подробная характеристика деятельности А.С.Лаппо-Данилевского на посту его председателя в 1917–1919 гг. Автор высоко оценил роль А.С.Лаппо-Данилевского в спасении отечественных архивов в годы революции и отметил его заслуги в организации архивного дела. В то же время Л.В.Иванова критически, с марксистско-ленинских позиций дала оценку стремлению А.С.Лаппо-Данилевского сохранить «непартийность» архивов.⁴⁰¹

В 1986 г. в обзоре советской литературы по теоретическому источниковедению его составитель И.Л.Беленький, учитывая обе традиции в изучении «Методологии источниковедения», справедливо отметил, что все основные вопросы «советской теории источниковедения трактуются в нашей науке с точки зрения соотношения их с фундаментальными утверждениями А.С.Лаппо-Данилевского: сближения – согласования с ними или наоборот, принципиального и безоговорочного отталкивания от них, размежевания с ними».⁴⁰²

В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986 г.)⁴⁰³ А.Н.Цамутали отвел отдельную главу творчеству В.О.Ключевского и А.С.Лаппо-Данилевского. Такой подход, несомненно, уже сам по себе подчеркивал значение А.С.Лаппо-Данилевского как классика исторической науки. Сам очерк построен в основном на воспоминаниях А.Е.Преснякова и И.М.Гревса. Автор развил тему критического отношения Лаппо-Данилевского к школе В.О.Ключевского, впервые в историографии подробно рассмотрев статью А.С.Лаппо-Данилевского «Исторические взгляды В.О.Ключевского» (1912 г.).⁴⁰⁴ Негативно охарактеризовав увлечение ученого «неокантианскими идеями», А.Н.Цамутали отметил, что «большой заслугой А.С.Лаппо-Данилевского была разработка принципов дипломатики русского частного акта» и что «отдельные достижения имели место и в его методологических исканиях».⁴⁰⁵

Либерализация исторической науки, начавшаяся в годы «перестройки», способствовала дальнейшим позитивным изменениям в оценке роли А.С.Лаппо-Данилевского в историографии. Так, С.О.Шмидт в ряде статей второй половины 1980-х гг. подчеркивал заслуги А.С.Лаппо-Данилевского как «известного буржуазного ученого» и «выдающегося историка» в организации советского архивного строительства в 1917–1918 гг.,⁴⁰⁶ а также отмечал «великие открытия» А.С.Лаппо-Данилевского в дипломатике⁴⁰⁷ и обращал внимание на недопустимость односторонне негативной оценки «Методологии истории» («без характеристики ее источниковедческих начал») в учебниках по историографии.⁴⁰⁸ В учебном пособии по истории источниковедения XIX–XX вв. (1988 г.)⁴⁰⁹ О.М.Медушевская отвела отдельный раздел изложению системы методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского,⁴¹⁰ указав на то, что она «выводила данную область знания об источниках на иной качественный уровень».⁴¹¹ Вслед за М.А.Варшавчиком и Л.Н.Пушкаревым О.М.Медушевская попыталась найти А.С.Лаппо-Данилевскому место в марксистской мифологии исторической науки. «Как теоретик и логик – ученый, возможно неокантианец, – писала исследовательница, – как исследователь – практик, материалист, ощущающий объективную реальность источника, созданного человеком, творцом, с определенной целью выразившим в этом источнике его назначение, и свою цель и свою индивидуальность. Это двуединство – противоречие концепции прослеживается в последующих главах книги [«Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского. – *Е.Р.*].»⁴¹²

В учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование» (1988 г.)⁴¹³ в разделе «Археографическая деятельность в дореволюционной России» его автор С.В.Чирков дал высокую оценку археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и особенно «Правилам издания сборника грамот Коллегии экономии».⁴¹⁴ В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века» (1989 г.) С.В.Чирков более детально исследовал вопрос о значении школы А.С.Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции. Рассматривая научную деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках петербургской школы, он противопоставлял его как традиции московской школы, так и направлению С.Ф.Платонова. С.В.Чирков вслед за С.Н.Валком противопоставлял строго научное направление А.С.Лаппо-Данилевского «художественному» направлению С.Ф.Платонова и считал, что «у С.Ф.Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С.Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы».⁴¹⁵

В 1988 г. несколько скорректировала свою позицию в отношении методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского даже такой непримиримый ее противник, как А.Т.Николаева. Дословно повторив критические замечания в адрес А.С.Лаппо-Данилевского, высказанные в 1975 г., она тем не менее сочла необходимым добавить, что «нужно отдать справедливость [А.С.Лаппо-Данилевскому. – *Е.Р.*], за все существование рус-

ской дореволюционной историографии такого обобщающего теоретического труда, построенного на определенной философской основе, не было».⁴¹⁶

Б.Г.Могильницкий в работе «Введение в методологию истории» (1989 г.) называет «Методологию истории» А.С.Лаппо-Данилевского «капитальным трудом», в котором «был подвергнут систематическому исследованию обширный круг вопросов, раскрывающих в своей совокупности специфику исторического знания». По мнению Б.Г.Могильницкого, целый ряд из них «и по сей день сохраняет научную актуальность». В то же время Б.Г.Могильницкий повторил тезис о кризисе буржуазной историографии, подчеркнув, что буржуазные ученые просто не могли удовлетворительно решать «важные историко-методологические проблемы», на это оказалась способной, по его мнению, только марксистская наука.⁴¹⁷

Раздельное изучение разных направлений историко-теоретической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в 1960–1980-е гг. предопределило характер выводов, к которым пришли исследователи относительно разных сторон научно-методологической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. В оценке основного теоретического труда А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории» историческая наука не ушла дальше общей обзорной характеристики этой работы. При этом особенностью этого анализа было то, что не сама «Методология истории», а конструкция представлений о ней, созданная позитивистской историографией, как правило, стала объектом марксистской интерпретации. Тем самым в отношении оценки «Методологии истории» была продолжена традиция методологической критики, заложенная Л.В.Черепниным.

Соответственно уровню изучения и степени принятия историко-теоретических идей А.С.Лаппо-Данилевского они оказали различное влияние на развитие исторической науки. Если ею были в целом приняты археографические правила, разработанные А.С.Лаппо-Данилевским, то его основные методологические идеи, связанные с теорией исторического знания, «методологией исторического построения», в своей основной части были отвергнуты и значимого влияния на развитие исторической науки не оказали. Более сложным является вопрос о влиянии на отечественную науку всей системы методологических и методических идей ученого, это влияние определялось приверженностью к той или иной точке зрения относительно системы источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. С одной стороны, была продолжена традиция, основанная Л.В.Черепниным. Она заключалась в последовательном отрицании принципов как методологии, так и методики источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, поскольку в их основании лежали антимарксистские установки его теории исторического знания. С другой стороны, получила развитие традиция, основанная С.Н.Валком. В 1960–1980-е гг. она претерпела изменения, которые выразились в том, что ее последователи разделились на сторонников двух точек зрения. Приверженцы первой точки зрения признавали заслуги А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта, но отрицали теоретические установки его методологии источ-

никоведения (А.Т.Николаева, С.М.Каштанов, Г.Д.Алексеева, Б.Г.Литвак и др.). Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, пусть и с оговорками, обусловленными идеологической ситуацией советского времени, соглашались с принципами как дипломатики, так и методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского (Г.М.Иванов, Л.Н.Пушкарёв, О.М.Медушевская, А.П.Пронштейн и др.). По сути, к началу 1980-х гг. эта точка зрения стала господствующей в советской исторической науке.

Рост влияния традиции, принимавшей, хотя бы и частично, наследие А.С.Лаппо-Данилевского, и постепенное расширение как числа исследователей творчества ученого, так и тематики их работ, отражали процесс демократизации исторической науки по сравнению с предшествующим периодом. Тем не менее марксистско-ленинская теория оставалась призмой, через которую авторам того времени приходилось рассматривать творчество историка.

С теми коренными изменениями в исторической науке, которые были связаны с отказом от идеологической установки в исследовательской работе, начался новый этап изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Он ознаменовался выходом в свет первой части неопубликованной докторской диссертации А.С.Лаппо-Данилевского «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.».⁴¹⁸ Это издание предваряет статья ответственного редактора А.И.Клибанова «А.С.Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель».⁴¹⁹ Вслед за А.Е.Пресняковым и Л.В.Черепниным А.И.Клибанов подчеркнул монистичность научного творчества А.С.Лаппо-Данилевского, которую он понимал как следование во всех областях научной деятельности общим принципам и целям. Вслед за историками предшествующего времени А.И.Клибанов отметил существование кризиса в русской историографии рубежа веков, но расценил его как «целительный».⁴²⁰ Автор проанализировал философские «корни» «Методологии истории», детально рассмотрев философию истории Г.Риккорта. Переходя к анализу философских взглядов А.С.Лаппо-Данилевского, А.И.Клибанов отметил схожесть его идей антропокосмизма с понятием ноосферы, разрабатывавшейся в трудах В.И.Вернадского. Автор считал полезными многие методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского для современного исследователя. А.И.Клибанов обратил внимание на чувство неуверенности, ощущение зыбкости цивилизации, охватившие общество во время создания «Методологии истории», как на благоприятную атмосферу для появления исторической теории такого типа, с «верховными» ценностями, неподвластными бурным историческим временам.⁴²¹ Формально оставаясь на марксистских позициях, автор тем не менее уважительно отзывается о методологических достижениях А.С.Лаппо-Данилевского. Характер статьи А.И.Клибанова отражал состояние исторической науки в период отказа от господства марксистско-ленинской идеологии и связанной с ней системы методологических координат.

Переходное состояние, связанное с отказом от марксистско-ленинской идеологии, отразилось и в книге А.П.Пронштейна «Источникове-

дение в России. Эпоха капитализма» (1991 г.).⁴²² Автор изложил, вслед за Г.М.Ивановым и Л.Н.Хмылевым, содержание методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского и отметил многочисленные достоинства этого труда, согласившись фактически со всеми его положениями.⁴²³ В то же время А.П.Пронштейн ошибочно сводил понятие «общепринятой ценности» в представлении А.С.Лаппо-Данилевского к «истине, добру и красоте» и утверждал, что ученый «все же не выходил за пределы неокантианского подхода к возможности познания исторического процесса».⁴²⁴

Крах прежних идеологических установок, произошедший в начале 1990-х гг., породил у многих историков ощущение методологического кризиса исторической науки. Одним из направлений поиска выхода из него стало обращение к дореволюционному наследию русской исторической науки, в частности к личности и работам А.С.Лаппо-Данилевского.

В вышедшем в 1993 году курсе лекций А.Л.Шапиро по русской историографии автор пересмотрел свое отношение к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского. Интересно его замечание о том, что современная историческая наука использует, вслед за А.С.Лаппо-Данилевским, специальную дисциплину — аксиологию, которая занимается проблемами отнесения фактов и явлений к ценности.⁴²⁵

Т.И.Хорхордина в работе, посвященной истории архивного дела в советское время (1994 г.), уделила немало места деятельности А.С.Лаппо-Данилевского на посту председателя Союза российских архивных деятелей в 1917–1919 гг. и показала как выдающуюся роль А.С.Лаппо-Данилевского в деле спасения отечественных архивов, так и непримиримые противоречия, существовавшие между ним и режимом, пришедшим к власти в октябре 1917 г. Т.И.Хорхордина обратила внимание и на личные разногласия, существовавшие между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым и их школами относительно подходов в организации архивного дела.⁴²⁶

Тема сложных отношений С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского также затрагивалась в работах М.Б.Свердлова⁴²⁷ и В.С.Брачева.⁴²⁸ В очерке, посвященном творчеству А.Е.Преснякова, М.Б.Свердлов уделил внимание отношениям этого историка с А.С.Лаппо-Данилевским.⁴²⁹ Таким образом, начала разрабатываться важная проблематика — взаимоотношения историков петербургской школы.

В 1994 г. научная общественность отмечала 75-летие со дня кончины академика А.С.Лаппо-Данилевского. В связи с этой датой Археографическая комиссия провела заседание памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Оно явилось поводом для подготовки ряда докладов о деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. Впоследствии эти доклады были опубликованы в виде статей в «Археографическом ежегоднике» за 1994 г. В числе их авторов — С.О.Шмидт, О.М.Медушевская, В.П.Корзун, С.В.Чирков, А.А.Александров, Ф.Г.Тараторкин, И.Л.Беленький, Л.Н.Простолова.⁴³⁰

Если большинство этих статей посвящены отдельным сторонам творчества А.С.Лаппо-Данилевского и опираются на работы Н.И.Кареева, А.Е.Преснякова, И.М.Гревса, С.Н.Валка и других авторов 1910-х — начала 1920-х гг., то статьи С.О.Шмидта и О.М.Медушевской содержат попытку создания целостного представления о творчестве А.С.Лаппо-Данилевского.

В статье С.О.Шмидта была намечена «проблематика некоторых разделов в предстоящем изучении творчества и биографии А.С.Лаппо-Данилевского».⁴³¹ В числе определенных автором направлений будущих исследований — изучение феномена научной школы А.С.Лаппо-Данилевского, его личных и творческих отношений с В.И.Вернадским, философских и научно-теоретических работ, работ ученого по историографии, источниковедению, его общественно-политической деятельности.⁴³²

Многоплановой и обобщающей явилась статья О.М.Медушевской, в которой мировоззрение А.С.Лаппо-Данилевского рассматривается в контексте всемирного гуманитарного знания.⁴³³ Используя наблюдения Н.И.Кареева, Т.И.Райнова, А.Е.Преснякова и других о «строгой научности» системы А.С.Лаппо-Данилевского, об интегрирующем разные науки подходе «системного познания» в его методологии и о главенствующей роли «сознания» в теории А.С.Лаппо-Данилевского, О.М.Медушевская поставила себе целью показать, что «парадигма гуманитарного познания А.С.Лаппо-Данилевского» отвечает на «запросы современной гуманитаристики», которая «стремится быть строго научной» и «консолидироваться в единую науку о человеке». С нашей точки зрения, спорным является то, что автор приравнял значение номотетического и идиографического подходов в системе А.С.Лаппо-Данилевского, в то время как сам ученый их строго разграничивал (в общей методологии истории),⁴³⁴ не допуская никакого «синтеза»⁴³⁵ (выражение О.М.Медушевской) этих подходов, а методы (специальная методология истории: методы исторического построения) сочетал, отводя номотетическому методу вспомогательную роль. На наш взгляд, не вполне верно была передана О.М.Медушевской и суть идиографического метода А.С.Лаппо-Данилевского. Его основное значение все-таки не в выяснении особенностей «частей» «через рассмотрение объекта как целостности»⁴³⁶ (как это было представлено О.М.Медушевской), а именно в построении «исторического целого» через отнесение индивидуальных свойств «частей» к определенной ценности (ключевое понятие «Методологии истории», вообще выпавшее из поля зрения автора статьи).

В другой работе, появившейся в печати в том же году, О.М.Медушевская высказала внутренне противоречивое суждение о том, что источниковедческие представления Л.В.Черепнина, изложенные им в упомянутой разгромной статье (1949 г.) против А.С.Лаппо-Данилевского, являются «дополняющими» источниковедческую систему А.С.Лаппо-Данилевского. По мнению О.М.Медушевской, они дополняли методологию А.С.Лаппо-Данилевского определением исторического источника как «продукта общественной борьбы и социальных противоречий эпохи».⁴³⁷ С нашей точки зрения, очевидно, что определение источника, данное с позиций

отрицания методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, никак не могло дополнять его источниковедческую систему.

В 1996 г. вышла статья А.Н.Нечухрина и С.П.Рамазанова, посвященная А.С.Лаппо-Данилевскому. В статье предпринята ценная попытка комплексного осмысления научного творчества историка. В то же время авторы находились под определенным влиянием историографической литературы (прежде всего работ А.Е.Преснякова, И.М.Гревса, Н.И.Кареева и Л.Н.Хмылева). Видимо, поэтому в тексте статьи содержатся наблюдения, которые отчасти можно охарактеризовать как противоречивые. К их числу можно отнести тезис о позитивистских тенденциях во взглядах А.С.Лаппо-Данилевского до 1905 г. и о критике концепции О.Конта в 1902 г.; положение о споре с Г.Риккертом и следовании ему в вопросах о разграничении методологии естествознания и истории и методе отнесения факта к ценности как ведущего в историческом исследовании; утверждение о главенстве идиографического метода у А.С.Лаппо-Данилевского и тезис о «сочетании» его с номотетическим; заключение о выражении неокантианских идей в конкретно-исторических трудах А.С.Лаппо-Данилевского и положение о «принципиальном сходстве» позитивистского и неокантианского этапов его творчества. Вообще авторы, возможно под воздействием предшествующей литературы, отождествили «обоснованные» и «абсолютные» ценности, связали методологию истории А.С.Лаппо-Данилевского с его «религиозным умонастроением», с политической ситуацией и т. п.⁴³⁸

О.М.Медушевская и М.Ф.Румянцева написали учебник по методологии истории, в котором основывались на собственной интерпретации базовых идей теории истории А.С.Лаппо-Данилевского (1997 г.).⁴³⁹ Целый ряд положений методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского содержится и в учебнике по источниковедению для вузов, подготовленном коллективом авторов (И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская) и вышедшем в свет в 1998 г.⁴⁴⁰

К рассмотренным выше общим обзорам деятельности А.С.Лаппо-Данилевского примыкают многочисленные работы, посвященные отдельным аспектам творчества историка. Объектом внимания были такие темы, как университетские курсы А.С.Лаппо-Данилевского (Р.А.Сидельников,⁴⁴¹ Е.Р.Ольховский⁴⁴²), А.С.Лаппо-Данилевский и московская историческая школа (А.Н.Цамутали,⁴⁴³ В.П.Корзун⁴⁴⁴), А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа (Н.И.Приймак⁴⁴⁵), конкретно-исторические труды А.С.Лаппо-Данилевского (С.Н.Погодин,⁴⁴⁶ Н.А.Трапш,⁴⁴⁷ М.Ю.Сорокина⁴⁴⁸), историографическое наследие А.С.Лаппо-Данилевского (О.В.Синицын,⁴⁴⁹ В.П.Корзун,⁴⁵⁰ С.Н.Погодин⁴⁵¹), археографические предприятия ученого (Е.М.Добрушкин,⁴⁵² С.В.Чирков,⁴⁵³ А.А.Александров,⁴⁵⁴ Ф.Г.Тараторкин,⁴⁵⁵ Н.И.Приймак,⁴⁵⁶ Т.И.Хорхордина⁴⁵⁷), его археологическая деятельность (И.Л.Тихонов⁴⁵⁸), научно-организаторская работа А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук (В.Д.Есаков⁴⁵⁹, Т.В.Чумакова), его международная научная деятельность (Н.И.Приймак⁴⁶⁰), методология и философия истории А.С.Лаппо-Данилевского (Т.И.Калистратова,⁴⁶¹ А.А.Курносков,⁴⁶² И.Л.Беленький,⁴⁶³ Л.Н.Хмылев,⁴⁶⁴ Н.М.До-

рошенко,⁴⁶⁵ К.В.Хвостова и В.К.Финн,⁴⁶⁶ О.В.Синицын,⁴⁶⁷ В.В.Берус,⁴⁶⁸ С.П.Рамазанов,⁴⁶⁹ М.Ф.Румянцева,⁴⁷⁰ А.В.Малинов и С.Н.Погодин,⁴⁷¹ О.М.Медушевская,⁴⁷² Н.А.Трапш,⁴⁷³ О.Ф.Русакова,⁴⁷⁴ М.А.Колеров,⁴⁷⁵ Ф.В.Николай,⁴⁷⁶ Л.Н.Барышникова,⁴⁷⁷ И.Д.Осипов⁴⁷⁸), наследие А.С.Лаппо-Данилевского в историографии (А.А.Чернобаев,⁴⁷⁹ А.Н.Цамутали,⁴⁸⁰ А.В.Макушин,⁴⁸¹ А.В.Свешников⁴⁸²), политическая деятельность академика (В.П.Корзун⁴⁸³), эпистолярное наследие (П.А.Трибунский⁴⁸⁴) и другие. Несмотря на то, что эти работы носят очерковый характер и связаны с изложением сюжетов, как правило, уже рассмотренных в литературе, их появление объективно способствует популяризации научного наследия А.С.Лаппо-Данилевского в историографии и активизации изучения его творчества.

Таким образом, в современной литературе произошло как закрепление тех направлений исследования личности и трудов ученого, работа по которым была начата в советский период, так и значительное расширение исследовательской тематики. Значимым результатом стало общее признание за А.С.Лаппо-Данилевским статуса одного из классиков отечественной исторической науки, что, в частности, выразилось в курсах историографии последнего времени, где творчеству А.С.Лаппо-Данилевского уделяется особое внимание,⁴⁸⁵ широко используется наследие А.С.Лаппо-Данилевского и в современных курсах по методологии истории.⁴⁸⁶ С прекращением идеологического диктата в науке произошли и важные изменения в подходе к самому анализу научного наследия А.С.Лаппо-Данилевского. От советского времени его отличают комплексность и свобода от какого-либо прямого идеологического воздействия на историографическое построение. Лишь немногие современные историографы продолжают придерживаться оценок творчества А.С.Лаппо-Данилевского, данных в условиях жесткого диктата марксистской идеологии.⁴⁸⁷ Можно сказать, что коренное изменение историографической ситуации привело к отказу большинства современных историографов от традиции как Л.В.Черепнина, так и С.Н.Валка. В поисках ориентиров для историографического синтеза многие исследователи вернулись к позициям раннего периода (до 1923 г.) изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Труды А.Е.Преснякова, Н.И.Кареева, И.М.Гревса стали основными источниками для ряда современных историографических работ. В то же время установка на поиск новых методологических координат в исторической науке, в том числе и в научном наследии А.С.Лаппо-Данилевского, заставила современных исследователей фактически пройти мимо выводов критического характера относительно творчества А.С.Лаппо-Данилевского, к которым пришла позитивистская историография в 1910–1920-е гг. Такой подход внес элемент противоречивости в изложение современных авторов. Кроме того, многократное повторение одних и тех же сюжетов и суждений показывает, что современная историография продолжает ходить по кругу в изучении творчества А.С.Лаппо-Данилевского. С одной стороны, основную причину этой ситуации мы видим в почти полном отсутствии на протяжении длительного времени работ, которые вводили бы в научный оборот значительный по объему новый источниковый ма-

териал. С другой стороны, причина заключается и в том, что современные исследователи, как правило, в своих заключениях идут за историографическими источниками, что не всегда способствует решению задачи комплексного переосмысления феномена А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в контексте истории исторической науки.

В 2001 г. вышла первая книга о А.С.Лаппо-Данилевском – работа А.В.Малинова и С.Н.Погодина «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001).⁴⁸⁸ На этом труде следует остановиться особо.⁴⁸⁹ Ценно то, что авторы органично переработали труды своих предшественников и поместили в «Приложение» «Обзор работ, посвященных А.С.Лаппо-Данилевскому».⁴⁹⁰ Впервые в новейшей литературе составлена «Библиография основных работ об А.С.Лаппо-Данилевском».⁴⁹¹

С нашей точки зрения, большинство выводов, к которым приходят авторы в ходе исследования, заслуживают полной поддержки. А.В.Малинов и С.Н.Погодин блестяще показывают, что «А.С.Лаппо-Данилевским был накоплен и систематизирован огромный запас фактов и идей, ставших основой новых концепций», А.С.Лаппо-Данилевский был «представителем исторического идеализма», и движущей силой истории в его представлении являлось «человеческое сознание».⁴⁹² Авторы аргументированно отмечают, что «творчество» А.С.Лаппо-Данилевского «вносит определенную динамику в традицию государственной школы».⁴⁹³ Вслед за А.Л.Шапиро авторы справедливо находят ее в неокантианской интерпретации «государственной теории».⁴⁹⁴ Заслугой А.В.Малинова и С.Н.Погодина является то, что в работе впервые освещаются такие сферы, как гимназическая и университетская деятельность А.С.Лаппо-Данилевского. Анализируя систему дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского, С.Н.Погодин и А.В.Малинов приходят к важному выводу о том, что «применение к дипломатике некоторых категорий общего источниковедения» позволила А.С.Лаппо-Данилевскому «создать русскую школу дипломатики частных актов».⁴⁹⁵ Переходя к обзору археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, авторы обоснованно уделяют внимание характеристике деятельности А.С.Лаппо-Данилевского как редактора издания «Грамот Коллегии экономии», задуманного в 1900 г. Важнейшей сферой академических занятий А.С.Лаппо-Данилевского стала характеристика по поручению Академии научных трудов и деятельности ученых. Как отмечают авторы: «К этому вопросу Лаппо-Данилевский подходил не только критически, но и пытался подчеркнуть самостоятельность исследований».⁴⁹⁶

Основные вопросы, которые возникают в ходе чтения работы: как связаны различные сферы в творчестве героя книги? каков контекст той культурной реальности, в которой проходило развитие ученого? Вывод авторов о том, что А.С.Лаппо-Данилевский «стремился подвести под историческую фактичность теоретический фундамент», не вызывает сомнений. Всем ходом изложения А.В.Малинов и С.Н.Погодин аргументируют свое наблюдение о том, что для А.С.Лаппо-Данилевского «теоретические построения не имели самодовлеющего значения», а «становятся научными лишь тогда, когда соотносятся с конкретной действительностью». Авторы

показывают, что для А.С.Лаппо-Данилевского «способом достижения» искомой «предметной реальности» являлся «прежде всего метод».⁴⁹⁷ В этой связи особый интерес представляет тот раздел работы, который посвящен анализу системы методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁹⁸ Вопреки устоявшемуся в историографии мнению авторы высказывают «сомнения в правоверном неокантианстве русского историка».⁴⁹⁹ С этим следует согласиться: для А.С.Лаппо-Данилевского теоретические положения «баденской школы» были важны лишь постольку, поскольку способствовали разработке «научно-обоснованной системы исторического знания».⁵⁰⁰

С нашей точки зрения, авторам, может быть, следовало бы еще более оттенить достоинства того интегрального подхода, который применили в работе авторы. В частности, показать сам механизм связи между конкретными положениями «Методологии истории» и системы дипломатики, системы дипломатики и археографическими правилами, показать, как все это «работало» в конкретно-исторических произведениях А.С.Лаппо-Данилевского. В работе почти не использована весьма важная часть «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского – «Методология исторического построения», издание которой имеется только в литографическом варианте (упомянутое издание 1909 г., литография Богданова⁵⁰¹), – в результате многие важные понятия («относительная ценность», «относительное целое», «историческая группа», «исторический ряд» и др.), которые как раз связаны с приложением теоретических разработок общей методологии истории (содержание которой реконструировано авторами блестяще) к конкретному материалу остались вне сферы внимания исследователей.

А.В.Малинов и С.Н.Погодин считают, что причиной того, что «значительная часть» созданных А.С.Лаппо-Данилевским работ «осела в архиве», заключается «не в холодном академизме исследования, а скорее, в климате эпохи».⁵⁰² Здесь следует учитывать, что климат эпохи как раз и способствовал «холодному академизму исследования». Не вполне ясна попытка авторов⁵⁰³ обусловить процесс утверждения позитивистской доктрины в отечественной историографии развитием традиций государственной школы, по этой логике «государственная школа» затем должна была «провоцировать» появление неокантианства и марксизма. Уместнее говорить о процессе взаимовлияния философской традиции и процесса развития историографии. Вообще, как кажется, важно уделить большее внимание историографическому контексту, в котором проходило творчество А.С.Лаппо-Данилевского, той научной борьбе, которая шла в Петербургском университете. Например, о магистерском диспуте А.С.Лаппо-Данилевского (1890) С.Н.Погодин и А.В.Малинов почти ничего не пишут, кроме того, что оппоненты «дали высокую оценку»⁵⁰⁴ его работе. Между тем, с нашей точки зрения, этот диспут имел важное значение не только в научной судьбе А.С.Лаппо-Данилевского, но и для пути развития всей петербургской школы. Без анализа хода «борьбы идей» и «самолюбий» многое в карьере и научной деятельности ученого останется за кадром. Другая важная проблема, требующая в этой связи внимания, –

отношения А.С.Лаппо-Данилевского с «московской исторической школой». Еще одна тема, лишь затронутая авторами, — своеобразное одиночество А.С.Лаппо-Данилевского в научной среде, которое сочеталось, однако, с его верой в идею «создания строгой науки» о человеке. Поскольку авторы, по-видимому, этот тезис вполне разделяют, как кажется, было бы важным рассмотреть многочисленные научные проекты А.С.Лаппо-Данилевского, направленные на его реализацию. При этом следует учитывать, что основная научно-организационная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского проходила как в стенах Санкт-Петербургского университета, так и в рамках работы историко-филологического отделения Академии наук, в отношении которой авторы ограничиваются общим очерком.⁵⁰⁵

В 2003 г. научная общественность отмечала 140-летие со дня рождения А.С.Лаппо-Данилевского. Этому событию была посвящена проведенная в Санкт-Петербурге конференция «Историческая наука и методология истории в России XX века». Материалы этой конференции вышли в свет, когда работа на этой книгой уже была завершена. Как справедливо отметил один из организаторов конференции Г.Н.Попов, «методологическое наследие А.С.Лаппо-Данилевского стало не просто предметом исследования ряда участников конференции, но было востребовано как исходный материал для собственных интеллектуальных построений».⁵⁰⁶

Тем не менее нельзя не отметить, что историография в течение продолжительного времени «ходит по кругу» в обсуждении тех или иных тем, повторяя суждения, высказанные на первых двух этапах (до 1923 г.) рассмотрения творчества А.С.Лаппо-Данилевского. Так, несмотря на то, что еще в 1910–1920-е гг. были подняты и в течение длительного времени обсуждались такие важные проблемы, как соотношение философского и исторического начал в творчестве ученого, взаимоотношения А.С.Лаппо-Данилевского и его учеников с С.Ф.Платоновым и его школой, они до сих пор не стали объектом специального исследования. В то же время без решения этих проблем восстановление картины научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского и определение места его творчества в истории гуманитарной науки едва ли возможны. Поэтому одной из основных задач автора, которую он пытался решить как в своих научных выступлениях и статьях,⁵⁰⁷ так и в настоящей работе (которая представляет собой доработанный и расширенный текст его кандидатской диссертации⁵⁰⁸), стало восполнение данного пробела в историографии и попытка дать удовлетворительный ответ на эти вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898; *он же*. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898; *он же*. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899.

² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с Западной Европой. Новейшие архивные работы русских ученых в итальянских архивах. Новые данные о сношениях России с Западной Европой в сочинении В.И.Ламанского о государственных тайнах Венецианской республики // ЖМНП. 1884. № 5. С.21–38 отд. паг.; *он же*. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // ЖМНП. 1885. № 9. С.66–106 отд. паг.; *он же*. Рец. на: Цветаев Д.В. Обрусение ино-

земцев, иностранцев в Московском государстве. М., 1886 // Библиограф. 1887. № 2; *он же*. Рец. на: Успенский Ф.И. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб., 1887 // Там же. № 6–7; *он же*. Рец. на: Архив Юго-Западной России, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. VII. т. I // Там же. № 10–11. С.113–115 и др.

³ Первая часть работы была издана только в 1990 г.: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.

⁴ Г. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II СПб., 1898 // ЖСПЮО. 1898. Кн.7. С.8. Ср.: Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898 // МБ. 1898. № 7. С.60–62 отд. паг.

⁵ Милоков П.Н. Источники русской истории и русская историография // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1899. Т. XXXVIII, полумот. 55. С.444–446.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; *он же*. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II.

⁷ Н.А.Рубакин — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 (24?) мая 1913 г. Черновик // НИОР РГБ. Ф.358. К.177. Д.10. Л.1–2.

⁸ Кареев Н.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; 1913. Вып. II // НИЖ. 1913. № 1. С.64–69.

⁹ Там же. С.64.

¹⁰ Там же. С.65.

¹¹ Там же. С.67.

¹² О чествовании А.С.Лаппо-Данилевского его дипломатическим семинарием также см.: Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частнопубличных актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С.6.

¹³ Кун В.Н. 25-летие учено-педагогической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Речь. 1915. 9 мая.

¹⁴ Кизеветтер А.А. А.С.Лаппо-Данилевский (к 25-летию научной деятельности) // РВед. 1915. 9 мая.

¹⁵ Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому.

¹⁶ Андреев А.И. Краткий очерк деятельности кружка... С.1–7.

¹⁷ Райнов Т.И. О философских взглядах и педагогических приемах А.С.Лаппо-Данилевского // ЖМНП. 1915. № 3. С.44–57 отд. паг.

¹⁸ Там же. С.44 отд. паг.

¹⁹ Там же. С.44–45 отд. паг.

²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины Конта // Проблемы идеализма. М., 1902.

²¹ Райнов Т.И. Указ. соч. С.45–48.

²² Там же. С.50–52.

²³ Там же. С.49–50.

²⁴ Там же. С.54.

²⁵ Там же. С.56.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С.57.

²⁸ Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С.Лаппо-Данилевского // ИО. 1915. Т.20. С.105–124.

²⁹ Там же. С.116–118.

³⁰ Там же. С.116.

³¹ Там же. С.118–120.

³² Там же. С.120–121.

³³ Там же. С.118.

³⁴ Там же. С.124.

³⁵ Дьяконов М.А. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // ИАН. 1919. VI серия. Т. XIII, № 8–11. С.359–366.

³⁶ Там же. С.366.

³⁷ Там же. С.365–366.

³⁸ Барсков Я.Л. Памяти А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова // ВЛ. 1919. № 9. С.10.

³⁹ Ростовец М.И. Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // Ростовец М.И. Политические статьи. СПб., 2002. С.108. Ср.: Ростовец М.И. Мученики науки в Советской России // Там же. С.97–98.

⁴⁰ ИТУАК. 1919. № 56. Статья об А.С.Лаппо-Данилевском, напечатанные в этом периодическом издании, вышли также отдельным изданием (Памяти А.С.Лаппо-Данилевского: статьи Б.Д.Грекова, Г.В.Вернадского и А.И.Маркевича. Симферополь, 1919). В основе статей лежали доклады, сделанные на заседании Таврической ученой архивной комиссии, посвященном памяти А.С.Лаппо-Данилевского.

- ⁴¹ Вернадский Г.В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века // ИТУАК. 1919. № 56. С.156-160. Уже будучи в эмиграции, Г.В.Вернадский вернулся к рассмотрению творчества А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С.184-188).
- ⁴² Вернадский Г.В. А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века. С.157.
- ⁴³ Треков Б.Д. Ученая и учебная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.148-156.
- ⁴⁴ Там же. С.150-153. Автор неверно излагает саму структуру «Методологии истории», подразделяя труд на «Методологию исторического изучения» и «Методологию исторического построения», поэтому непонятно, что Б. Д.Треков имеет в виду, говоря, что в «Методологии исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский «не оригинален», отзываясь с похвалой о новациях первой части, посвященной, как он ошибочно полагает, источниковедению (Там же. С.151).
- ⁴⁵ Там же. С.148-150.
- ⁴⁶ Там же. С.153-155.
- ⁴⁷ Там же. С.153-155.
- ⁴⁸ Там же. С.149.
- ⁴⁹ Там же. С.150.
- ⁵⁰ Там же. С.150.
- ⁵¹ Там же. С.154.
- ⁵² Там же. С.155.
- ⁵³ Там же. С.155-156.
- ⁵⁴ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского. С.164-165.
- ⁵⁵ Там же. С.164.
- ⁵⁶ Кроме отмеченной статьи А.И.Маркевича об археологических трудах и деятельности А.С.Лаппо-Данилевского см. обширную литературу: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С.363-364; *Ястребов В.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности Южной России. Курган Карагодюашх. СПб., 1894 (Материалы по археологии России /Изд. имп. Археологической комиссии. № 13)// Киевская старина. 1895. Кн.1. С.20-34; *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч.1. С.141; *Равдоникас В.И.* О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения ГАИМК. 1931. №9/10. С.22-27; *он же.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т.XII, вып.1-8. С.73; *Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Харьков, 1947. Ч.1. С.63; *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 41,44-45 и др.
- ⁵⁷ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). [СПб., 1920.
- ⁵⁸ Там же. С.49-50.
- ⁵⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
- ⁶⁰ Андреев А.И. [Предисловие] // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов.
- ⁶¹ РИЖ. 1920. Кн.6.
- ⁶² Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // Там же.
- ⁶³ Кареев Н.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.
- ⁶⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 акад. году. Литография. [СПб.,1909].
- ⁶⁵ См.: *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.126-127.
- ⁶⁶ Там же. С.121. Ср.: *Кареев Н.И.* История русской социологии. СПб., 1996.
- ⁶⁷ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского. С.125.
- ⁶⁸ Там же. С.128.
- ⁶⁹ См.: Там же. С.126.
- ⁷⁰ Там же. С.113,118.
- ⁷¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6. С.44-81.
- ⁷² Там же. С.44.
- ⁷³ Там же. С.48.
- ⁷⁴ Там же. С.49.
- ⁷⁵ Там же. С.50.
- ⁷⁶ Там же. С.65.
- ⁷⁷ Там же. С.65.
- ⁷⁸ Там же. С.61.
- ⁷⁹ Там же. С.66.
- ⁸⁰ Там же. С.73.
- ⁸¹ Там же. С.67.
- ⁸² Там же. С.60-61.
- ⁸³ Там же. С.68.

- ⁸⁴ Там же. С.78.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ См.: ОР РНБ. Ф.419. Д.1.
- ⁸⁸ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн.6. С.164-180.
- ⁸⁹ Там же. С.164-166.
- ⁹⁰ Там же. С.166-167.
- ⁹¹ Там же. С.167-169.
- ⁹² Там же. С.169-171.
- ⁹³ Там же. С.171-173,178-180.
- ⁹⁴ Там же. С.173-174.
- ⁹⁵ Там же. С.175,176.
- ⁹⁶ Там же. С.176-177.
- ⁹⁷ Там же. С.177.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. С.179.
- ¹⁰⁰ Романов Б.А. А.С.Лаппо-Данилевский в университете (Две речи) // РИЖ. 1920. Кн.6. С.181-188. Первая речь произнесена в заседании исторического кружка при Петроградском университете в честь 25-летия научно-литературной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского 27 октября 1915 года (С.181), вторая — на собрании исторического кружка, посвященном 10-летию его деятельности и одновременно — памяти А.С.Лаппо-Данилевского 15 апреля 1919 года (С.186). Об истории подготовки и произнесения этих речей см.: *Чернов С.Н.* Рец. на: Русский исторический журнал. 1920. Кн.6 // ДД. 1922. Кн.3. С.178-179. Ср.: *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // Изв. 1962. Т.62. С.271.
- ¹⁰¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.72-73.
- ¹⁰² Романов Б.А. А.С.Лаппо-Данилевский в университете. С.186,187.
- ¹⁰³ Об отношениях А.С.Лаппо-Данилевского и Б.А.Романова см.: *Валк С.Н.* Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С.12-14.
- ¹⁰⁴ Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // РИЖ. 1920. Кн.6. С.200-206.
- ¹⁰⁵ Там же. С.200.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. С.202.
- ¹⁰⁹ Там же. С.203.
- ¹¹⁰ Там же. С.204.
- ¹¹¹ Там же. С.205.
- ¹¹² Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С. 39-40; *он же.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.244-258.
- ¹¹³ Панеях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.X. С.56.
- ¹¹⁴ Таковы были уже первые оценки, вышедшего «Очерка дипломатики...» (см.: *Пресняков А.Е.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // ДД. 1920. Кн.1. С.450-453; *Чернышев Е.И.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Казанский библиофил. 1922. № 3. С.53.
- ¹¹⁵ Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С. 39-40.
- ¹¹⁶ Там же. С.39.
- ¹¹⁷ О школе А.С.Лаппо-Данилевского в области дипломатики частного акта и теоретических позициях ее участников см.: *Кашинов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С.94-98.
- ¹¹⁸ Валк С.Н. Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн.6. С.191.
- ¹¹⁹ Там же. С.191.
- ¹²⁰ Там же. С.192.
- ¹²¹ Валк С.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.249-257.
- ¹²² О расхождении во взглядах между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Н.Валком см.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.57-61.
- ¹²³ Валк С.Н. Воспоминание ученика. С.192.
- ¹²⁴ Там же. С.193.
- ¹²⁵ Там же. С.193-194.
- ¹²⁶ Свою концепцию дипломатики и истории древнерусского акта С.Н.Валк изложил в нескольких работах (см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.249-257; *он же.* Грамоты полные // Сборник статей

по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.113-132; *он же*. Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1937. Ср.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.55-70.

¹²⁷ С.Н.Валк специально характеризует статью Г.М.Котлярова (*Котляров Г.М.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // РИЖ. 1922. Кн.8. С.259-265), как «дающую изложение другого из семинарских течений» (см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Там же. С.248).

¹²⁸ Там же. С.249.

¹²⁹ *Котляров Г.М.* Указ. соч. С.263.

¹³⁰ Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда.

¹³¹ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.1. С.Х-ХП.

¹³² Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

¹³³ *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1–2. С.244. См. также: *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века. 1924. Кн.1. С.166-169. Ср.: *Панеях В.М.* Проблемы дипломатики... С.57.

¹³⁴ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.

¹³⁵ *Андреев А.И.* [Предисловие] // Там же. С.1-VI, XI-XIII.

¹³⁶ *Валк С.Н.* Рец. на: Историко-революционная библиотека. Пг., 1920–1921 // ДД. 1922. Кн.3. С.194-195 (последнее издание: *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С.22-24).

¹³⁷ *Болдырев Н.В.* А.С.Лаппо-Данилевский // Мысль. 1922. № 1. С.152-153.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ *Пресняков А.Е.* Памяти А.С.Лаппо-Данилевского // ИА. 1919. Кн.1; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6; *он же*. Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [СПб., 1922.

¹⁴⁰ На это указал и сам А.Е.Пресняков (Там же. С.10).

¹⁴¹ Там же. С.16-17,25,

¹⁴² Там же. С.27-28.

¹⁴³ В другом своем выступлении А.Е.Пресняков отождествлял московскую школу с историко-юридической (*Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». Пг., 1920. С.6-7).

¹⁴⁴ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.65,66.

¹⁴⁵ Там же. С.7,11,62.

¹⁴⁶ Там же. С.10,13,62,65-66.

¹⁴⁷ Там же. С.63.

¹⁴⁸ Там же. С.62.

¹⁴⁹ Там же. С.6,13.

¹⁵⁰ Там же. С.7-9,28,44,67

¹⁵¹ Там же. С.73-75,78-79,85

¹⁵² Там же. С.7-8,51-52.

¹⁵³ Там же. С.52,73. Ср.: *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С.178.

¹⁵⁴ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.78-80,86-87,90-94.

¹⁵⁵ Там же. С.32-37

¹⁵⁶ Там же. С.30-36.

¹⁵⁷ Там же. С.6-7,18-20,33-44.

¹⁵⁸ *Чернов С.Н.* Рец. на: Русский исторический журнал. 1920. Кн.6 // ДД. 1922. Кн.3.

¹⁵⁹ Там же. С.176.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. С.180.

¹⁶² См.: *Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5698. Л.88-89.

¹⁶³ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.127.

¹⁶⁴ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.12-15.

¹⁶⁵ *Брачев В.С.* Дело историков 1929–1931 гг. СПб, 1997. С. 66.

¹⁶⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1920 г. Пг., 1921.

¹⁶⁷ То же за 1919 г. Пг., 1920. § 41,147.

¹⁶⁸ То же за 1923 г. Пг., 1924. § 9,15.

¹⁶⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. Издана примерно треть труда А.С.Лаппо-Данилевского. Полный текст рукописи хранится в ПФА РАН (см. полное описание рукописи: *Сидоров Н.И., Чаев Н.С.* Краткая опись рукописей А.С.Лаппо-Данилевского, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.44-46).

¹⁷⁰ См. материалы, свидетельствующие о работе учеников А.С.Лаппо-Данилевского под руководством С.Ф.Платонова: ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1901 г. Д.20. Л.65,67,70; ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.207. См. также: *Брачев В.С.* Дело историков 1929–1931 гг. С.10-11.

¹⁷¹ *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.115.

¹⁷² С.Ф.Платонов – Е.П.Воронову. Апрель 1929 г. Черновик // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1738. Л.1.

¹⁷³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып.1.

¹⁷⁴ *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. Последнее издание: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.2. С.97-104. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы М., 1969. С.174.

¹⁷⁵ *Покровский М.Н.* О книге А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып.1 // *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. Вып.2. С.97-98.

¹⁷⁶ Там же. С.104.

¹⁷⁷ Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения: Учеб. пособие. М., 1977. С.6.

¹⁷⁸ См.: *Якубовская С.И.* Некоторые тоги развития теории источниковедения в советский период // Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962. С.192.

¹⁷⁹ *Невский В.И.* Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1 // Печать и революция. 1923. № 7.

¹⁸⁰ Там же. С.182. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов. С.174.

¹⁸¹ Там же. С.183.

¹⁸² Ср.: *Медушевская О.М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С.58; *Мохначева М.П.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Там же. С.125-131.

¹⁸³ Ср.: *Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С.675.

¹⁸⁴ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып.1-2.

¹⁸⁵ *Большаков А.М.* Лекции по русской истории. Введение в изучение истории. М.; Пг., 1923.

¹⁸⁶ *Нечина М.В.* Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922.

¹⁸⁷ *Валк С.Н.* О приемах издания дореволюционных документов // АД. 1925. № 3-4. С.74.

¹⁸⁸ См.: *Андреев А.И.* О правилах издания исторических текстов // Там же. № 5-6. С.97-98. Ср.: *Маскаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. С.277.

¹⁸⁹ См.: *Простоловская Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990. С.15.

¹⁹⁰ Ср.: *Соколов В.Ю.* К вопросу о возникновении понятия «советская историография» // Россия в XX веке. С.388-397; *Сидоров А.В.* Теоретико-концептуальные основы отечественной историографии в 1920-е годы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С.47.

¹⁹¹ Протоколы заседаний Комиссии по истории знаний за 1929 г. // ПФА РАН. Ф.154. Оп.1. Д.19. Л.6; То же за 28 февраля 1929 г. // Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. СПб., 2003. С.252.

¹⁹² Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

¹⁹³ Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т.П. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.

¹⁹⁴ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.П. С.П.

¹⁹⁵ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова; 1998. Вып.2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле.

¹⁹⁶ *Андреев А.И.* Предисловие // Сборник грамот Коллегии экономии. Т.П. С.1.

¹⁹⁷ *Пионтковский С.А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931.

¹⁹⁸ Там же. С.66-67.

¹⁹⁹ *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 1920-х гг. М.; Симферополь, 2000. С.208.

²⁰⁰ См.: *Шестаков А.В.* Методика исторического исследования (из опыта для опытов). Воронеж, 1929. С.7-17.

²⁰¹ *Саар Г.П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С.7-11.

²⁰² Там же. С.9.

²⁰³ *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С.3-5.

²⁰⁴ *Томенев А.И.* Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // ИМ. 1929. № 12. С.184.

²⁰⁵ См.: *Айзенберг А.* Марксистская критика Риккерт или риккертанская интерпретация марксизма // ПМ. 1930. № 5-6. С.48-66; 1931. № 1. С.41-63.

²⁰⁶ Там же. 1931. № 1. С.63.

²⁰⁷ *Цвибак М.М.* Платонов и его школа. Доклад [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // ПМ. 1931. № 3. С.107-108.

- ²⁰⁸ Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.114-115.
- ²⁰⁹ Введенский А.А. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.111-112.
- ²¹⁰ Томсинский С.Г. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.120.
- ²¹¹ Цвибак М. М. Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Там же. С.122.
- ²¹² Там же. С.125.
- ²¹³ Ср.: Ефременков Н.В. Основы научного исследования и методы самостоятельной работы студента-историка. Калинин, 1987. С.21.
- ²¹⁴ См.: Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей: Человек в истории. М., 1996. С.167; Гуревич А.Я. Вместо заключения, или «Можно ли доить козла» // Там же. С.176. Ср.: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С.378.
- ²¹⁵ Постановление ЦК ВКП (б) и СНК о преподавании гражданской истории в школах СССР // Правда. 1934. 16 мая.
- ²¹⁶ См.: Против исторической концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. М.; Л., 1939. Ч.1; Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского: Сб. ст. М.; Л., 1940. Ч.2.
- ²¹⁷ Ср.: Ганелин Р.Ш. Сталин и советская историография предвоенных лет // НЧ. 1998. № 6-7. С.100-117.
- ²¹⁸ Платонов С.Ф. Очерк по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.
- ²¹⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Ч.1-V.
- ²²⁰ Рубинштейн Н.Л. В.О.Ключевский (1841—1911 гг.) // Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. С.XVIII.
- ²²¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т.1. С.4.
- ²²² Ср.: Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974. С.128.
- ²²³ Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб.2.
- ²²⁴ Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Там же. С.145-186.
- ²²⁵ Там же. С.163,169,177-180.
- ²²⁶ Правила издания документов XVI—XVII вв. // Там же. С.315-331.
- ²²⁷ [Предисловие] / Правила издания документов XVI—XVII вв. // Там же. С.315.
- ²²⁸ Каталог частных актов Московского государства // Там же. С.333. Один из составителей каталога, С.Н.Валк, впоследствии называл эту публикацию «малопоказательным отрывком» работы, заметив, что весь каталог погиб во время блокады (Валк С.Н. Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 г. М., 1970. С.283,295).
- ²²⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 502-503.
- ²³⁰ Там же. С.484-485.
- ²³¹ См.: Селезнев М.С. К истории преподавания курса «Археография» в МГИИИ // ОА. 1993. № 5. С.59.
- ²³² Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С.Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // АЕ за 1994 г. М., 1996. С.278. Ср.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.М. «Мы учим советских людей, а не древних греков» (из истории советской исторической науки конца 1930-40-х гг.) // ИСССР. 1989. № 6. С.92-104.
- ²³³ Черепнин Л.В. Конспект курса «Источниковедение» /Сост. Е.Н.Данилова. М., 1946.
- ²³⁴ См.: Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1—3 июня 1943 г. // ОА. 1993. № 5. С.49.
- ²³⁵ Цит. по: Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С.Лаппо-Данилевского... С.279.
- ²³⁶ См.: Там же. С.278-279. Ср.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.22.
- ²³⁷ Очерки по истории Академии наук. Исторические науки /Под ред. В.П.Волгина; Сост. И.И.Любименко, С.А.Токарев, И.У.Будовниц, В.В.Альтман. М.; Л., 1945. С.20-21.
- ²³⁸ См.: Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.52-54.
- ²³⁹ Там же. С.57.
- ²⁴⁰ Там же. С.54.
- ²⁴¹ Там же. С.50,52.
- ²⁴² Там же. С.53.
- ²⁴³ Валк С.Н. Советская археология. М., Л., 1948. С.44.
- ²⁴⁴ Там же. С.45.
- ²⁴⁵ Ср.: Панях В.М. Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР // Россия в XX веке. С.689.
- ²⁴⁶ Пашуто В.Т. А.А.Шахматов — буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2. С.43-73.

- ²⁴⁷ Будовниц И.У. Об исторических построениях М.Д.Приселкова // ИЗ. 1950. Т.35. С.199-231.
- ²⁴⁸ Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // Там же. Т.33. С.201-231.
- ²⁴⁹ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.
- ²⁵⁰ Там же. С.32-33.
- ²⁵¹ Там же. С.33.
- ²⁵² Там же. С.33-34.
- ²⁵³ Там же. С.42. Ср.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч.1 С.5,449-453; 1951. Ч.2. С.61.
- ²⁵⁴ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. С.47.
- ²⁵⁵ Там же. С.47-48.
- ²⁵⁶ Там же. С.36-37.
- ²⁵⁷ См.: Исторические диспуты // ИО. 1890. Т.1. С.293.
- ²⁵⁸ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. С.34-38.
- ²⁵⁹ Там же. С.35-36,39.
- ²⁶⁰ Там же. С.39-41.
- ²⁶¹ Там же. С.39.
- ²⁶² Там же. С.40.
- ²⁶³ О.М.Медушевская в 1996 г. высказала мнение о том, что «негативные суждения» об ученых принадлежавших к школе А.С.Лаппо-Данилевского, появились в статье Л.В.Черепнина без ведома автора (Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в. С.67).
- ²⁶⁴ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.28-30. Ср.: Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. М.—Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.294.
- ²⁶⁵ Цит. по: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. С.31.
- ²⁶⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч.1; 1956. Ч.2; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI вв. М., 1952. Т.1.
- ²⁶⁷ [Предисловие] // Там же. С.3.
- ²⁶⁸ См.: Устюгов Н.В. Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. /Под ред. А.А.Новосельского и Н.В.Устюгова. М., 1955. С.419,424; Кафенгауз Б.Б. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I /Под ред. Б.Б.Кафенгауза и Н.И.Павленко. М., 1954. С.36-37; Заозерская Е.И., Фейгина С.А., Бескровный Л.Г. Введение // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. /Под ред. Е.И.Заозерской, С.А.Фейгиной, Л.Г.Бескровного. М., 1957. С.23; Некрасов Г.А. Балтийский вопрос и европейская политика России после Ништадского мира (1721—1732) // Там же. С.328; Сивков К.В. Крестьянское движение 50—60-х гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. /Под ред. А.И.Барановича, Б.Б.Кафенгауза, П.К.Алиференко, Ю.Р.Клокмана, Е.Н.Кушевой. М., 1957. С.175; Гомье Ю.В., Лаппо Ф.И., Кафенгауз Б.Б. Внутренняя политика России в 1750—1772 гг. // Там же. С.261.
- ²⁶⁹ Хрестоматия по археологии: Пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института /Под ред. Г.Д.Костомарова. М., 1955.
- ²⁷⁰ Там же. С.152-153.
- ²⁷¹ Софинов П.Г. Из истории дореволюционной археологии. М., 1957. С.150.
- ²⁷² Примечательно, что в лекциях В.Е.Иллерицкого по русской историографии, вышедших в 1957 г., А.С.Лаппо-Данилевский вообще не упоминается (см.: Иллерицкий В.Е. Русская историография второй половины XIX в. (Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957).
- ²⁷³ Ср.: Сидорова Л.А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50—60-х гг. // Россия в XX веке. С.705-710; она же. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х — 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д.Ковальченко. М., 2000. С.401-409.
- ²⁷⁴ Валк С.Н. Б.Д.Греков как деятель археологии // АЕ за 1958 г. М., 1960. С.223-232.
- ²⁷⁵ Там же. С.223.
- ²⁷⁶ Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Ч.1 (Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. Ч.120).
- ²⁷⁷ Валк С.Н. Б.Д.Греков как деятель археологии. С.223. См.: Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. С.ХI. Показательно, что в то время как автор (С.Х-ХI) в одинаковой степени благодарит трех своих «профессоров-учителей» (Д.М.Петрушевского, С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского), С.Н.Валк упомянул о выражении благодарности Б.Д. Грековым только одному из них.
- ²⁷⁸ Селезнев М.С. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые шаги советской археологии (1917—1920 гг.): Учеб. пособие. М., 1960. С.72.

²⁷⁹ Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. См. также: *он же*. Источниковедение истории СССР. Период империализма: конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. С.33; *он же*. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1976. С.75. Ср.: Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР периода империализма: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1962. С.13.

²⁸⁰ См.: Русская историография: Учеб. Пособие /Ред. В.Е.Иллерицкий, И.А.Кудрявцев. М., 1960. Вып. III. Русская историография периода империализма. С.62-65, Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М., 1961. (2-е изд.: М., 1971. С.382-383).

²⁸¹ Русская историография. Вып. III. Русская историография периода империализма. С.65.

²⁸² Зимин А.А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959. С.6-7.

²⁸³ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.

²⁸⁴ Там же. С.33-37,43,44,108-110,131.

²⁸⁵ Там же. С.110.

²⁸⁶ Там же. С.34.

²⁸⁷ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С.584-585.

²⁸⁸ Каштанов С.М., Курносоев А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. 1962. № 4. С.175. Ср.: Бельский И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960—1984): Аналитический обзор. М., 1985. С.18.

²⁸⁹ Каштанов С.М., Курносоев А.А. Указ. соч. С.188. Ср.: Бельский И.Л. Указ. соч. С.18.

²⁹⁰ Якубовская С.И. Указ. соч. С.192.

²⁹¹ См.: Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). Л., 1962. С.26 (3-е изд. СПб., 2001. С. 31-32).

²⁹² Введенский А.А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963.

²⁹³ Там же. С.9-10.

²⁹⁴ Там же. С.11.

²⁹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III.

²⁹⁶ Там же. С.266.

²⁹⁷ Там же. С.620.

²⁹⁸ Там же. С.336-337.

²⁹⁹ Там же. С.624.

³⁰⁰ Каштанов С.М. Дипломатика // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1964. Т.5. Стб.231.

³⁰¹ Буганов В.И. А.С.Лаппо-Данилевский // Там же. 1965. Т.8. Стб.422-423. Ср.: Буганов В.И. Лаппо-Данилевский // Большая Советская энциклопедия /Гл. ред. А.М.Прохоров. 3-е изд. М., 1973. Т.14. С.463.

³⁰² Булыгин И.А., Пушкарёв Л.Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. 1965. Т.6. Стб.599.

³⁰³ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. II. 1803—1917. С.588-589. Ср.: Князев Г.В., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С.56-57.

³⁰⁴ Тексты докладов и выступлений участников совещания см.: История и социология. М., 1964. О «восстановлении в правах» аксиологии и понятия «ценности» в советской исторической науке см.: Гультя А.В. Искусство истории. М., 1980. С.46,280. О понятии «ценность» в марксистской системе исторического знания см.: Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С.66-126.

³⁰⁵ История и социология. С.336-339.

³⁰⁶ Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время исторической «оттепели» // Образы историографии: Сб. ст. М., 2001. С.158.

³⁰⁷ См.: Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989; *он же*. О природе исторического познания. Томск, 1978; Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев, 1984 (2-е изд.: Киев, 1990); Ракишов А.И. Историческое познание. М., 1982; Котов В.Н. Введение в изучение истории. Киев, 1982; Дербов Л.А. Введение в изучение истории. М., 1981; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981; Жуков Е.М. Очерки методологии истории. М., 1980; Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976; Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках М., 1967; Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М., 1961 и др.

³⁰⁸ См.: История и психология. М., 1971; Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М., 1969 и др.

³⁰⁹ См.: [Гейфтер М.Я.]. Вступление // Историческая наука и некоторые проблемы современности. С.5.

³¹⁰ Городецкий В.С. [Выступление при обсуждении доклада А.С.Арсеньева «Историзм и логика в марксистской теории» на заседании сектора методологии Института всеобщей истории АН СССР 6 декабря 1966 г.] // Там же. С.362.

³¹¹ См.: Уваров А.И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С.14-19.

³¹² Подробнее о значении методологических поисков советских ученых см.: Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг. С.147-172.

³¹³ Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания: Материалы международной конф., Москва, 19—21 мая 1996 г. М., 1999. С.13.

³¹⁴ Медушевская О.М. Развитие теории советского источниковедения // Труды МГИАИ. М., 1966. Т.24. С.5.

³¹⁵ Валк С.Н. Регесты в их прошлом... С.37.

³¹⁶ Валк С.Н. Археографическая легенда // АЕ за 1971 г. М., 1972. С.5-16.

³¹⁷ Там же. С.6,7.

³¹⁸ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968.

³¹⁹ Там же. С.204.

³²⁰ Там же. С.202-204,209,210,263,279.

³²¹ Там же. С.218.

³²² Там же. С.209.

³²³ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. С.55-56.

³²⁴ Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Там же. С.104-105.

³²⁵ Панях В.М. Проблемы дипломатики... С.60-61.

³²⁶ Литвак Б.Г. О путях развития источниковедения массовых источников. С.104.

³²⁷ Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. С.152,165.

³²⁸ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С.5-7; *он же*. Русская дипломатика. М., 1988. С.99-103.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. С.101

³³¹ Там же. С.99.

³³² Там же. С.101.

³³³ Там же. С.100.

³³⁴ Там же. С.101.

³³⁵ Там же. С.99.

³³⁶ Там же. С.102.

³³⁷ Там же. С.103.

³³⁸ Каштанов С.М. Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина // ВИ. 1965. № 1. С.39-44; *он же*. Очерки русской дипломатики; *он же*. Русская дипломатика.

³³⁹ Хмельев Л.Н. Проблема отражения в источниковедении русской либеральной историографии (1907—1917) // Сб. науч. тр. кафедр общественных наук. Томск, 1969; *он же*. Методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского // Доклады II конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1973. Вып. II; *он же*. Проблема соотношения субъекта и объекта в историческом познании в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века // Материалы научной конференции по итогам научно-исследовательских работ Томского института электроники и электронной техники за 1962—1968 гг. (секция гуманитарных наук). Томск, 1970; *он же*. Методологические аспекты кризиса русской либеральной историографии (конец XIX — 1917): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский и проблема теории источниковедения // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1976. Вып. XI; *он же*. Проблемы методологии в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века. Томск, 1978; *он же*. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1985.

³⁴⁰ См.: Там же. С.36.

³⁴¹ История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки /Отв. ред. В.В.Мавродин. Л., 1969.

³⁴² Там же. С.150.

³⁴³ Киреева Р.А. Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в. // ИИ. 1971. М., 1973; *она же*. Возникновение проблемы историографических направлений в русской буржуазной науке конца XIX — начала XX в. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч.2. С.25-31; *она же*. Неопубликованные труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской историографии // ИИ. 1978. М., 1981; *она же*. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

- ³⁴⁴ Киреева Р.А. Неопубликованные труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской историографии. С. 219.
- ³⁴⁵ Киреева Р.А. История русской историографии (1850-е — 1917 г.): Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985. С.36-37.
- ³⁴⁶ Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание (методологический аспект). Томск, 1973. С.26-37.
- ³⁴⁷ Там же. С.27. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.20.
- ³⁴⁸ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. I. С.51. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.19.
- ³⁴⁹ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. С.36.
- ³⁵⁰ См.: Там же. С.32-36,50-52.
- ³⁵¹ *Вариавчик М.А.* О структуре исторической критики // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1979. М., 1980. С.34.
- ³⁵² Там же. С.37.
- ³⁵³ *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С.41. Ср.: *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.20.
- ³⁵⁴ *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975. С.58. См.: *она же.* Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С.49-51.
- ³⁵⁵ *Николаева А.Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII—XIX вв. М., 1975. С.39-41.
- ³⁵⁶ См., например: Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1973. С.132.
- ³⁵⁷ См. *Иллерицкий В.Е.* Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969, *он же.* Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969.
- ³⁵⁸ *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С.210.
- ³⁵⁹ См.: *Косолапов В.В.* Указ. соч. С.51.
- ³⁶⁰ *Чернуха В.Г.* Жизненный путь С.Н.Валка (13 декабря 1887 — 5 февраля 1975 г.) // ИИ. 1978. М., 1981. С.173.
- ³⁶¹ *Лурье Я.С.* Сигизмунд Натанович Валк // ТОДРЛ. Л., 1976. Т.30. С.620. Ср.: *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. С.316.
- ³⁶² См.: Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С.Н.Валка. Хроника // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.280-310.
- ³⁶³ См.: *Шмидт С.О.* [Вступительное слово на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. С.291-294; *Цирков С.В.* [Выступление на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // Там же. С.309-310.
- ³⁶⁴ *Панях В.М.* Проблемы дипломатики... С.55-70. О концепции С.Н.Валка и ее роли в изучении истории древнерусского акта см. также: *Панях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // ВИД. СПб., 1994. Т.XXV. С.19-40.
- ³⁶⁵ *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.
- ³⁶⁶ Там же. С.327. Ср. с другим работам этого автора: *Пронштейн А.П.* Использование вспомогательных дисциплин при работе над историческими источниками. М., 1972. С.85; *он же.* Истолкование исторических источников // ВИ. 1969. № 10. С.80.
- ³⁶⁷ *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
- ³⁶⁸ Там же. С.307. Ср.: *Пронштейн А.П.* О предмете источниковедения как научной дисциплины // ИСССР. 1977. № 5.
- ³⁶⁹ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С.240.
- ³⁷⁰ См.: *Варадинов Н.В.* Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одиночному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самых дел, с приложением к оным образцов и форм. СПб., 1857.
- ³⁷¹ См.: *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.
- ³⁷² См.: Новгородские писцовые книги в статистической обработке. 1. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Табличный материал с предисловием и «статистическими итогами» проф. А.А.Кауфмана. Пг., 1915.
- ³⁷³ См.: *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1913.
- ³⁷⁴ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения... С.214.
- ³⁷⁵ Там же. С.225.

- ³⁷⁶ Там же. С.241.
- ³⁷⁷ Там же. С.240-241.
- ³⁷⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. С.2.
- ³⁷⁹ *Грехова Г.И.* Эпистолярное наследие А.С.Лаппо-Данилевского // ВИД. Л., 1976. Т.VIII. С.262-273.
- ³⁸⁰ Архив СПб. ИИ РАН. Ф.297.
- ³⁸¹ *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.IX. С.81-89.
- ³⁸² *Клейн Л.С.* Археологические источники. Л., 1978. С.36-37.
- ³⁸³ *Кан А.С.* Историк Г.В.Форстен и наука его времени. М., 1979. С.87.
- ³⁸⁴ *Медушевская О.М.* Теоретико-методологические проблемы источниковедения в современной зарубежной историографии // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конф. М., 1979. С.50. Ср.: *Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения. С.51-52.
- ³⁸⁵ *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. С.80-81.
- ³⁸⁶ *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979. С.208.
- ³⁸⁷ См.: *Косолапов В.В.* Указ. соч. С.50; *Журавлев Л.А.* Указ. соч. С.15-16. Ср.: *Лубский А.В.* История источниковедения в России: методологические проблемы и решения (к 10-летию публикации исследования А.П.Пронштейна «Источниковедение в России») // Проблемы источниковедения и отечественной истории: (памяти А.П.Пронштейна). Ростов-на-Дону, 1999. С.31.
- ³⁸⁸ См.: Социологическая мысль в России: очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., 1978. С.257-264; *Голосенко И.А.* Неокантианские идеи в буржуазной социологии России // Философские науки. 1979. № 2.
- ³⁸⁹ См.: Социологическая мысль в России. С.255-256.
- ³⁹⁰ См.: Там же. С.264.
- ³⁹¹ См.: *Рамазанов С.П.* Методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. XIV; *он же.* Русская буржуазная историография и неокантианская теория ценностей: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981.
- ³⁹² *Синицын О.В.* Соотношение истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии периода империализма: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.
- ³⁹³ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. 2-е изд. М., 1971. С.382.
- ³⁹⁴ *Гульга А.В.* Указ. соч. С.279.
- ³⁹⁵ *Ракитов А.И.* Указ. соч.
- ³⁹⁶ Там же. С.186-190.
- ³⁹⁷ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.) / Сост. А.Е.Шикло; Под ред. И.Д.Ковальченко. М., 1985. С.126-168.
- ³⁹⁸ [*Шикло А.Е.*]. А.С.Лаппо-Данилевский // Там же. С.125. Аналогичная критика методологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского помещена во введении к сборнику: [*Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.*]. Введение. Основные тенденции в развитии исторической науки в России в эпоху империализма // Там же. С.15-18. См. также критику «неокантианской теории и методологии истории» в другой статье И.Д.Ковальченко и А.Е.Шикло: *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века // ВИ. 1982. № 1. С.28-30.
- ³⁹⁹ См.: Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С.126-127.
- ⁴⁰⁰ *Иванова Л.В.* К истории Союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.194-203.
- ⁴⁰¹ Там же. С.196-200.
- ⁴⁰² *Беленький И.Л.* Указ. соч. С.18
- ⁴⁰³ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
- ⁴⁰⁴ Там же. С.146-150.
- ⁴⁰⁵ Там же. С.149.
- ⁴⁰⁶ *Шмидт С.О.* Привлечение интеллигенции к архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. Последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение: Сб. ст. М., 1997. С.137,139.
- ⁴⁰⁷ *Шмидт С.О.* К изучению истории советской археографической культуры (к юбилею Д.С.Лихачева) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. ст., посвященный 80-летию акад. Д.С.Лихачева. М., 1988. С.488 (последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.171); *он же.* Традиции русской флигранологии в современной отечественной археографии // Флигранологические исследования. Теория. Методика. Практика. Л., 1990 (последнее издание: *он же.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.229).

- ⁴⁰⁸ Шмидт С.О. Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // Классификация, комплектование и экспертиза ценности документов в советском архивоведении (1917–1987 гг.). М., 1989 (последнее издание: *он же*. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. С.216).
- ⁴⁰⁹ Медушевская О.М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
- ⁴¹⁰ Там же. С.28–42.
- ⁴¹¹ Там же. С.29.
- ⁴¹² Там же. С.35.
- ⁴¹³ Документальные памятники: выявление, учет, использование: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.О.Шмидта. М., 1988.
- ⁴¹⁴ Там же. С.75,76,78,79.
- ⁴¹⁵ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.23.
- ⁴¹⁶ Николаева А.Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1988. С.71.
- ⁴¹⁷ Мошльницкий Б.Г. Введение в методологию истории. С.6–8.
- ⁴¹⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
- ⁴¹⁹ Клибанов А.И. А.С.Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. С.249–280.
- ⁴²⁰ Там же. С.157.
- ⁴²¹ Там же. С.268–269.
- ⁴²² Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. Книга была сдана в печать в 1988 г. (см.: Александр Павлович Пронштейн. К 70-летию со дня рождения: библиографический указатель / Сост. Т.П.Попова. Ростов-на-Дону, 1988. С.32).
- ⁴²³ Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336. Ср.: Мишинков Н.А. Проблемы источниковедения в трудах А.П.Пронштейна // Проблемы источниковедения и отечественной истории. С.24–25.
- ⁴²⁴ Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С.336.
- ⁴²⁵ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.684.
- ⁴²⁶ Хорхордина Т.И. История отечества и архивы. С.19–54. Об архивной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в 1917–1919 гг. см. также: Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // ОА. 1993. № 3. С.9–35; № 4. С.3–27.
- ⁴²⁷ Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа, и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995. С.19.
- ⁴²⁸ Брачев В.С. Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.44,45,50–51,53.
- ⁴²⁹ Свердлов М.Б. А.Е.Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А.Е. Князьство в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.510,514,522,524,529,536.
- ⁴³⁰ АЕ за 1994 г. М., 1996.
- ⁴³¹ Шмидт С.О. А.С.Лаппо-Данилевский на рубеже веков // Там же. С.232.
- ⁴³² Там же. С.232–236.
- ⁴³³ Медушевская О.М. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // АЕ за 1994 г. С.238–255. Ср. с другими работам автора (см.: *она же*. Источниковедение и гуманитарная культура // ОА. 1992. № 4; *она же*. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 1).
- ⁴³⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1910. Ч.1. С.291.
- ⁴³⁵ Медушевская О.М. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание. С.248.
- ⁴³⁶ Там же.
- ⁴³⁷ Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в. С.68.
- ⁴³⁸ Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.512–537.
- ⁴³⁹ Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учеб. пособие. М., 1997. Ср.: Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С.58–59. См. также: Методология и теория истории: Учебно-методическое пособие / Сост. О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 2001; Казаков Р.Б., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология и теория истории: Учебно-методический модуль. М., 2002.
- ⁴⁴⁰ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. См. также: Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история и метод. М., 1996.
- ⁴⁴¹ Сидельников Р.А. Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С.Лаппо-Данилевского // Российские университеты XIX–XX вв.: Сб. науч. ст. Воронеж, 1993.
- ⁴⁴² Ольховский Е.Р. А.С.Лаппо-Данилевский и начало преподавания источниковедения // Историческое образование на рубеже веков: Тезисы докладов науч. конф. СПб., 1996. С.66–69.

- ⁴⁴³ Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.282–289.
- ⁴⁴⁴ Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н.Милокова С.Ф.Платонову // ОИ. 1999. № 2. С.171–182; *она же*. Научная школа в сфере «историографического быта» (В.О.Ключевский, П.Н.Милоков, С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский) // Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): Материалы Третьей всерос. науч. конф. «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)», 25–27 ноября 1998 г. В 2-х т. Омск, 1998. Т.1.
- ⁴⁴⁵ Приймак Н.И. А.С.Лаппо-Данилевский и С.Н.Валк (учитель и ученик) // ВСПУ. 1998. Сер.2 История, языковедение, литературоведение. Вып.1; *она же*. А.С.Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио. 1997. № 3; *она же*. А.С.Лаппо-Данилевский в воспоминаниях учеников // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996.
- ⁴⁴⁶ Погодин С.Н. История России в трудах академика А.С.Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 2. С.28–40; *он же*. Исторические работы А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.85–98.
- ⁴⁴⁷ Трапи Н.А. Эволюция научных взглядов А.С.Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2001; *он же*. Проблемы русской истории XVII–XVIII столетий в ранних произведениях А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.148–159.
- ⁴⁴⁸ Сорочкина М.Ю. Академик А.С.Лаппо-Данилевский и его «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» // Вестник Российской гуманитарной науки. 2003. № 3 (32). С.106–118.
- ⁴⁴⁹ Синицын О.В. О возникновении неокантианского течения в русской историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Калининград, 1991; *он же*. Особенности развития отечественной историографии начала XX века: вопросы теории и метода // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993. Вып.1. С.88–90.
- ⁴⁵⁰ Корзун В.П. Неостребованное наследие (материалы по истории науки А.С.Лаппо-Данилевского) // АЕ за 1994 г. С.255–263. Ср.: *она же*. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989. С.60–76. См. также: Корзун В.П. Историография в контексте культуры (сравнительный анализ историко-научных построений П.Н.Милокова и А.С.Лаппо-Данилевского) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV науч. конф., Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С.259–262.
- ⁴⁵¹ Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский. СПб., 1997. С.23–25.
- ⁴⁵² Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992. С.22–23.
- ⁴⁵³ Чирков С.В. А.С.Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // АЕ за 1994 г. С.263–268; *он же*. А.С.Лаппо-Данилевский – археограф // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.160–204.
- ⁴⁵⁴ Александров А.А. Академик А.С.Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1994 г. С.268–270.
- ⁴⁵⁵ Тараторкин Ф.Г. А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // АЕ за 1994 г. С.270–273.
- ⁴⁵⁶ Приймак Н.И. Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения 97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.410–413.
- ⁴⁵⁷ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С.252–285.
- ⁴⁵⁸ Тихонов И.Л. Взгляды и труды А.С.Лаппо-Данилевского в области археологии // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С.15–27; *он же*. Деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып.11.
- ⁴⁵⁹ Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129–1139.
- ⁴⁶⁰ Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.4. С.3–8.
- ⁴⁶¹ Калистратова Т.И. Историческая наука в российских университетах: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С.23–24.
- ⁴⁶² Курносов А.А. О месте источниковедения в системе исторических наук // Мир источниковедения: Сб. ст. в честь С.О.Шмидта. М., 1994. С.10–11.
- ⁴⁶³ Бельский И.Л. К проблеме изучения идейного контекста «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского // АЕ за 1994 г. С.274–276.
- ⁴⁶⁴ Хмылев Л.Н. Методологические аспекты исторической науки на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке.

⁴⁶⁵ *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX – XX века). СПб., 1997. С.137-144; *она же.* А.С.Лаппо-Данилевский – основоположник российской методологии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.226-235.

⁴⁶⁶ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995. С.150,151,158,159,169.

⁴⁶⁷ *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998; *он же.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000; *он же.* Историк среди историков: теоретико-методологические труды А.С.Лаппо-Данилевского в оценке Н.И.Кареева // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.143 – 147.

⁴⁶⁸ *Берус В.В.* Проблемы историографии в русском неокантианстве: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: Автореферат дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1998.

⁴⁶⁹ *Рамазанов С.П.* Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1995; *он же.* Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч.1–II.

⁴⁷⁰ *Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // ВИ. 1999. № 8. С.138-146; *она же.* Философское понимание индивидуальности как предпосылка становления антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998. С.26-31; *она же.* Историческая антропология в условиях метарассказа // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С.15-21; *она же.* Эпистемологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского в контексте европейской философии второй половины XIX – начала XX века // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.258-260.

⁴⁷¹ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Социология в творчестве А.С.Лаппо-Данилевского // ЖССА. 1999. Т.II, № 4. С.33-47. См. также: *Малинов А.В.* Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001. С.161-170; *он же.* А.С.Лаппо-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С.140-189; *он же.* «Методология истории» А.С.Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.226-235.

⁴⁷² *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С.Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Изв. 1999. Т.2 (120); *она же.* Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.236-246.

⁴⁷³ *Транш Н.А.* К вопросу о генезисе историософских и методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. № 4; *он же.* К вопросу об эволюции историософских и методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского // Проблемы отечественной истории: Тезисы докладов науч. конф., посвященной памяти А.П.Пронштейна. Ростов-на-Дону, 2000.

⁴⁷⁴ *Русакова О.Ф.* Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000. С.102-112.

⁴⁷⁵ *Колеров М.А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002. С.143-148.

⁴⁷⁶ *Николаи Ф.В.* Методологические идеи А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

⁴⁷⁷ *Барышикова Л.Н.* Некоторые аспекты методологической концепции А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.215-216.

⁴⁷⁸ *Осинов И.Д.* Политическая культурология А.С.Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.447-457.

⁴⁷⁹ *Чернобаев А.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в дореволюционной русской историографии // История и политика: методология, историография, практика: Материалы всерос. науч. конф. Нижний Новгород, 1997. С.32-34. Ср.: *Чернобаев А.А.* Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) // Историки России. Биографии. М., 2001. С.395-402.

⁴⁸⁰ *Цамутали А.Н.* А.С.Лаппо-Данилевский и его наследие // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.7-14.

⁴⁸¹ *Макушин А.В.* Магистерская диссертация А.С.Лаппо-Данилевского в оценке П.Н.Милюкова // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.69-84.

⁴⁸² *Севешников А.В.* Образ А.С.Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П.Карсавина // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.308-315.

⁴⁸³ *Корзун В.П.* Ученый и реформы государственного строя: к характеристике общественно-политической позиции А.С.Лаппо-Данилевского // П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения П.А.Столыпина. Омск, 1997. С.135-140.

⁴⁸⁴ *Трибунский П.А.* Эпистолярные материалы А.С.Лаппо-Данилевского в российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.316-343.

⁴⁸⁵ См.: Историография отечественной истории. С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие. М., 1997. С.31; *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Муравьев В.А., Тертышный А.Т.* Программа курса «Российская историография в XX столетии» // *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Российская историография на рубеже XIX – XX вв. Тюмень, 1999. С.112-113; *Зашихин А.Н.* Русская историография от Нестора до наших дней: План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999. С.11; *Мауль В.Я.* Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999. С.114-115; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. С.96-100,150-158,174-222; Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений // Под ред. М.Ю.Лачаевой М., 2003. Т.2. С.260–276 и др.

⁴⁸⁶ См.: *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории; Методология истории: Учеб. пособие для студентов вузов. Минск, 1996. С.158,174 и др.

⁴⁸⁷ Исключением является курс лекций по историографии В.И.Усанова и В.А.Лабузова, где наследие А.С.Лаппо-Данилевского оценивается крайне негативно с позиций ортодоксального марксизма (см.: *Усанов В.И., Лабузов В.А.* Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 года.: Курс лекций. Оренбург, 2000. Ч.2. Эпоха капитализма. С.55-57).

⁴⁸⁸ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. Кроме этой книги, следует указать на обобщающую статью одного из авторов, посвященную А.С.Лаппо-Данилевскому (см.: *Погодин С.Н.* Творческое наследие А.С.Лаппо-Данилевского // ВИ. 2002. № 5. С.149-160).

⁴⁸⁹ Более подробную характеристику этого труда А.В.Малинова и С.Н.Погодина см.: *Ростовцев Е.А.* Новый труд об академике А.С.Лаппо-Данилевском // Клио. 2002. № 4. С.225-233. – Рец. на: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

⁴⁹⁰ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.237-251

⁴⁹¹ Там же. С.252-261

⁴⁹² Там же. С.10

⁴⁹³ Там же. С.23

⁴⁹⁴ См.: *Шаниро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. С.579-581,684.

⁴⁹⁵ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.26

⁴⁹⁶ Там же. С.43

⁴⁹⁷ Там же. С.230

⁴⁹⁸ Там же. С.170-227

⁴⁹⁹ Там же. С.178

⁵⁰⁰ Там же. С.174.

⁵⁰¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 acad. году. Литография. [СПб., 1909].

⁵⁰² *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. С.9.

⁵⁰³ См.: там же. С.22-23

⁵⁰⁴ Там же. С.22.

⁵⁰⁵ Там же. С.33-57.

⁵⁰⁶ *Попов Г.Н.* [Вступительное слово] // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.6.

⁵⁰⁷ *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский как представитель петербургской исторической школы // Петербургские чтения 97. С.413-416; *он же.* [Выступление в прениях по докладу Б.В.Ананьича и В.М.Панеяча «Петербургская историческая школа и ее судьба»] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня. С.70-75; *он же.* Учебный курс методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Научно-методическая конференция-98. Тезисы докладов. СПб., 1998. Ч.1. С.46; *он же.* Методология истории. Учебно-методическое пособие. СПб., 1998. Ч.1. Общая методология истории; *он же.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып.1. С.128-165; *он же.* Методология истории петербургской исторической школы // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.412-415; *он же.* Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // Там же. С.415-418; *он же.* Историческая школа А.С.Лаппо-Данилевского // Сборник научных трудов, посвященных 190-летию транспортного образования в России СПб., 1999. С.314-319; *он же.* Основные этапы изучения творчества А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии // Тезисы докладов научно-методической конференции, посвященной 190-летию транспортного образования. СПб., 1999. Ч.1. С.226-228; *он же.* Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121; *он же.* М.М.Ковалевский и А.С.Лаппо-

Данилевский в Академии наук // Максим Ковалевский и современная общественная мысль: Тезисы докладов науч. конф. СПб., 2001. С.51-53; *он же*. Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.135-256; *он же*. Направления петербургской исторической школы (А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов) // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. СПб., 2003. С.7-8; *он же*. Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Там же. С.21-25; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский в Петербургском университете // Из истории России: Сб. ст. СПб., 2003. С.47-66; *он же*. Наследие А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной исторической науке // Историческая наука и методология истории в России XX века. С.99-142.

⁵⁰⁸ *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.